

16+

2

Елена Макарова

АЛМАЗ

Елена Макарова

Алмаз. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64190207

SelfPub; 2021

Аннотация

Он – кумир миллионов, она – простая студентка. Он – не знающий отказа, она – непокорная. Теперь она его цель, а он – ее кошмар. Покорит ли он ее сердце? Доверится ли она? Будет ли это началом невероятной истории о настоящей любви или очередным заголовком желтой прессы? Известно одно: случайных встреч не бывает.

Вторая книга дилогии.

Содержание

1 глава. Известность и другие несчастья	4
2 глава. Сенсации	40
3 глава. Все тайное...	72
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Елена Макарова

Алмаз. Книга вторая

1 глава. Известность и другие несчастья

Если бы я только знала на что подписалась, когда согласилась жить с Костей. Ремонт – тот еще праздник жизни! Но поверите, если я скажу, что те недели были одними из самых счастливых в моей жизни?

Я занималась планировкой, делала эскизы каждого уголка квартиры, и порывалась начать делать все своими руками, чем вызывала дичайший смех Кости. Ну кто лучше меня знает каким цветом и какую стену нужно покрасить? Музыкант же обратил против меня мои собственные слова, и «обратился к профессионалам»

Чем больше работы по отделке было позади, тем чаще я навещала в новый дом. Иногда просто занималась в тишине, которой так не хватало в Аниной квартире (не заметила, как перестала воспринимать ее как свою), или прикидывала на месте изменения в проекте. А когда помещение стало более или менее пригодным для жилья, мы с Костей все чаще оставались там с ночёвкой.

Какое-то время, в самом начале, спали на жутко неудобном надувном матрасе. Костя исторически хохотал, когда я во сне падала с резинового монстра. Не знаю, что именно его так забавляло: то, какие невероятные акробатические кульбиты я выделывала или то, как при этом ругалась на все голоса не хуже сапожника. Самое ужасное, что и отдохнуть по-человечески было невозможно: спину ломило, шея затекала. В такие моменты я думала, что спать стоя было бы удобней. Иногда, когда уже совсем не оставалось сил терпеть, я перебиралась на Костю, используя его тело как спальное место, а грудь как подушку. Не представляю, как при этом спал сам парень, но он никогда не жаловался, и с улыбкой встречал новое утро. А я с каждым таким днем все сильнее влюблялась в Костю.

Часто, дожидаясь его вечерами, я не могла усидеть на месте без дела, и вопреки запретам бралась за ремонт: экспериментировала с колерами, подбирая нужный мне тон, и красила стены, чтобы воочию увидеть как тот или иной цвет будет преображать комнату. Мне нравилось чувствовать себя творцом истории – нашей с Кости. Когда, возвращаясь, он ловил меня с поличным, я целовала ворчуна и давала в руки кисточку – такая своеобразная арт-терапия.

Я ловко орудовала валиком (уже и не вспомню, сколько раз перекрашивала свою спальню в родительском доме, желая перемен), Костя же творил что-то безобразное, пачкая меня, себя самого и все вокруг. Сначала я злилась, считая,

что таким способом он просто издевается надо мной, но потом поняла, он просто-напросто далек от столь приземленных вещей, мыслят образами и метафорами.

Казалось, что в его голове всё время звучит музыка. Он постоянно что-то напевал себе под нос, иногда совершенно забывая о моем присутствии. Я узнавала мотивы, как современных популярных песен, так и старых, советских времен, а иногда это было что-то незнакомое. Скорей всего, его собственные, сочиненные прямо здесь и сейчас, потому что он бросал все дела и, отыскав любой клочок бумаги, принимался быстро что-то записывать (наверное, чтобы не забыть или не упустить вдохновение). Однажды я у него спросила: «Почему бумага, если можно легко и просто набрать текст на телефоне, планшете?» Да полно современных технологий, которые упрощают нашу жизнь! А Костя, смеясь, ответил, что они крадут душу песен, как фотоаппараты души людей. (Тоже мне суеверный дикарь!)

– Почему люди покупают бумажные книги, когда можно скачать их в электронном виде? – задал он встречный вопрос. – Да потому, что к ней можно прикоснуться: ощутить ее тяжесть, услышать шорох страниц, вдохнуть аромат. К тому же бумагу всегда можно разорвать в клочья или сжечь, если не устраивает написанное. А с планшетом? Одно движение пальцем и все! Это так...

– Бездушно, – подсказала.

– Умница, – и продолжил дальше черкать ручкой по бу-

маге.

Больше я не спрашивала о подобных вещах – у каждого свои странности. Сама предпочитала делать чертежи на бумаге, а не создавать их на компьютере. Как там я сама ему ответила: так естественней и живее? Не могло не радовать, что хоть что-то у нас было общее.

После того, как я заканчивала с экспериментами, а Костя ставил точку в тексте новой песни, мы отставляли жестяные банки и оттирали друг с друга краску, въевшуюся в кожу.

Потом я на скорую руку готовила что-нибудь перекусить, и мы усаживались на тот самый неудобный матрас и смотрели какой-нибудь старый фильм на навороченном Костином телефоне с проектором, используя одну из еще неокрашенных белых стен как экран (другой техники, кроме, наверное, холодильника в нашем доме пока не было). Правда, до конца ни один фильм так и не досмотрели – ведь все самое интересное происходит именно по ночам.

Особенно с Костей.

В одну из таких меня разбудил гитарный перебор. Самой собой, парня рядом не было. Не хотела мешать ему (наверняка, сочинял еще один хит), но на часах было четыре утра, и все же решила уговорить Костю поспать – завтра у него утреннее интервью (я хорошо помнила наставления Андрея).

Недавно уложенный новый паркет не издал ни звука, когда я босиком прошла в гостиную. Костя сидел ко мне спи-

ной, наклонив голову на бок, прислушиваясь к каждому звуку, рожденному от прикосновения пальцев к струнам, и словно пытался уловить в нем ... Душу? Жизнь? Все это похоже на безумие! Невозможно словами описать процесс рождения музыки, все это неосязаемые, тонкие материи. До сих пор не понимала, как из семи нот (каких-то закорючек на бумаге!) можно создать произведение, которое вызовет у слушателя неподдельные эмоции, заставит плакать, сопереживать.

Костя тихо напевал что-то, не замечая меня.

– Костя? – позвала.

Он обернулся.

– Иди сюда, – похлопал по диванной подушке. – Хочу, чтобы ты слышала это первой.

– Ты же знаешь, я в этом не разбираюсь, – медленно, чтобы не споткнуться обо что-нибудь в темноте, приблизилась к нему и присела напротив, – не понимаю, что там в тренде сегодня, и со слухом у меня проблемы.

Он хмыкнул, будто признавая, что я полный профан, и произнес:

– Просто слушай, глупышка.

Несколько гитарных аккордов – и бархатный голос увлек меня в другую, чувственную, реальность:

Сколько зим прошло, сколько весен...

А я словно и не жил вовсе,

Будто и не пробовал трепет тела,

Никогда не обжигался, действуя смело.

*Обесценивал поцелуи махом,
Раздавая их, словно на грани краха.
Утопал на вершинах страсти.
Каждую ночь – девочка новой масти.*

*Отчего же сегодня все будто впервые?
Словно все те – они были другие...
Как мальчишка испытывал трепет и дрожь...
Этот сон, он на грани – ни на что не похож.*

*Она лишь позволяла, впуская, делясь
Тем теплом, что владела. Я брал не таясь.
И не знает ведь даже, что дает личный рай.
Ты моя Королева. Мой родной край.*

*Моя жизнь! Умирала, свободу даря,
Только нашу любовь ото всех тая...
Пол улыбки, касание пальцев, рук —
В новом танце мы делаем новый круг.*

*Но никто не увидит, ту страсть, что сжигает,
И ту нежность, что ночью потом исцеляет...
Те объятия. В них умираю вновь,
Чтоб затем родиться, испытав любовь.*

*Счастье в каждом касании – только миг,
И так сладко услышать блаженства крик.
Ты моя Королева. Я тебя не отдам.
Никогда и не с кем я тебя не предам.*

*Не король, и не принц, твоя тень на стене.
Твой слуга, и тот бес, что поселился во мне.
Скажешь голову? Лягу под плаху с улыбкой.
Без тебя моя жизнь сродни ошибке.*

*Я рожден, чтобы ждать, когда опустится ночь.
Королева. Блаженство...¹*

Когда мелодия стихла, Костя поднял на меня глаза, чтобы узнать мое мнение. Но эмоции на моем лице говорили сами за себя: я замерла, и от избытка чувств к глазам подступили слезы, готовые в любой момент вырваться наружу.

– Я тоже люблю тебя, – собственный голос казался невероятно тихим.

На его лице возникла теплая улыбка. Чуть вздохнув, он сел рядом, обнимая меня за плечи, и поцеловал в висок. Мне не нужны были ответные слова, он уже все сказал своей песней.

– У меня потрясающая идея! – воскликнул, и уже витал где-то в своих мыслях.

¹ Дора Коуст

– И в чем она заключается? – незаметно смахнула с лица все же выступившие слезы.

– Ты должна сняться в еще одном клипе!

– Ни за что! – Мне с лихвой хватило первого раза, когда он меня третирует и изводит придирками. – В этот раз найми актрису или какую-нибудь модель, – поднялась, чтобы вернуться в кровать. Костю туда уже не заманить: если он чем-нибудь загорался, то был потерян для общества, пока не завершит (в его понимании) начатое дело.

– Ну пожалуйста, – как приставучий щенок, жаждущий ласки, не отставал от меня, припустив следом. – Обещаю, в этот раз я буду мягким и пушистым!

– Я сказала «нет», – так и хотелось захлопнуть дверь спальни и оставить его по ту сторону.

Но Костя не понимал этого слово, и на протяжении следующих двух недель ходил за мной с камерой, постоянно снимая (хорошо хоть в постель ее не тащил). Говорил, что формат клипа будет напоминать домашнее видео, в котором я, конечно же, в главной роли. В итоге я смирилась и через пару дней перестала замечать назойливого папарацци и вела привычный образ жизни.

Параллельно со съемками, так называемого, клипа Костя работал еще и в студии, до совершенства шлифуя песню, которой дал недвусмысленное название «Королева». Он готовился представить ее широкой публике на следующем концерте, и хотел, чтобы я непременно при этом присутствова-

ла. Я, как преданная девушка кумира миллионов, была за кулисами каждого его концерта. И не только для того, чтобы следить за тем, как бы кто из возбужденных девиц не вздумал «обслуживать» моего парня, но и чтобы переживать вместе с ним каждый значимый момент жизни. А еще мы просто не расставились: там, где он – всегда рядом была я, и наоборот.

И когда наступил день «икс», вернее вечер, в нашу квартиру влетел Андрей.

– Ты в номинации! – громко заявил.

Ни я, ни Костя даже не шелохнулись от его неожиданного визита и громкого вопля. Андрей приходил и уходил когда хотел, прямо, как к себе домой.

И откуда у него ключи? Не припомню, чтобы давала ему их.

– В одной? – Костя не удивила эта новость, хотя я видела, что она явно льстила ему. Он, облокотившись на кухонный островок, продолжал лениво закидывать в рот виноград из чаши. Ему давно пора было одеваться к концерту, а он бесцельно слонялся по дому. Как говорил сам музыкант, он так настраивался.

– Чёрта с два! – Андрей выглядел очень довольным собой. – Пять! – вытянул вперед ладонь с растопыренными пальцами. – Целых пять, братишка!

– Это всего лишь номинации, – пожал печами Костя, – не факт, что мы победим хотя бы в одной.

– Мы заберем их все! – воскликнул Андрей, потирая руки в предвкушении наград. – В этом году ты произведешь фурор на этой чертовой музыкальной премии!

– До нее еще дожить надо, – музыкант выпрямился, отряхнув руки, – сейчас есть более важные дела.

– Да все будет отлично на сегодняшнем концерте, – отмахнулся брат. – Подумаешь премьера новой песни.

– Это особенная. – Костя подошел к дивану, где я сидела, и, оперевшись о спинку руками, наклонился ко мне. – Готова, моя Королева?

Я поднялась, встав коленями на мягкие подушки, и положила руки ему на плечи.

– Уже девять, и я бы с удовольствием готовилась ко сну, укладываясь в свою мягкую и теплую постельку, – запустила пальцы в его волосы, – но так и быть, поеду с тобой в шумный и душный концертный зал, – приблизилась к губам, – и сделаю это только ради тебя, – дразня, поцеловала.

– Теперь я бы тоже предпочел остаться дома, – положил руки на талию, привлекая еще ближе к себе.

– Меня от вас тошнит! – неразборчиво пробубнил Андрей, закидывая в рот, прям как в топку, виноград. – Кончайте! – в своей, уже знакомой, манере постучал пальцем по циферблату наручных часов, – Время, ребятки! Время!

Мы с Костей рассмеялись и в угоду ворчливому надзирателю отправились на сборы.

Для меня уже стало привычной закулисная жизнь: проверка оборудования, освещения, спецэффектов и прочая суматоха последних приготовлений. А еще странный ритуал музыкантов перед выходом на сцену. Об этом даже не спрашивала – мне все равно не понять.

Как сказал Андрей, фурор Костя производил везде, где бы ни появлялся. Мне порой казалось, что зрители и сами ведущие не хотели его отпускать после завершения ток-шоу – он очаровывал всех.

Толпа, до отказа заполнившая концертный зал, ревела и скандировала имя Кости. Он обладал непомерной властью над людьми, которые были готовы ради него на все. Но всего одно его слово – и зал смолкал и жадно ловил каждый звук его голоса. Так же как и сейчас, когда он приготовился исполнить «Королева», усаживаясь на высокий стул, типа барного, подготовленный для него шустрыми помощниками.

– Давайте переведем дыхание, друзья, – разливался Костин голос, отражаясь эхом от стен, – в первую очередь, конечно, я, – по залу прокатилась волна смеха. – Хотите послушать кое-что новенькое? – в ответ послышались согласные возгласы.

Парни из группы под аплодисменты поклонников один за другим покидали зал. Дима подошел к краю сцены, и запульнул (по-другому и не скажешь) в толпу барабанные палочки, которыми играл весь концерт. Мне показалось, что где-то даже завязалась драка из-за попытки поделить один из тро-

феев. Артем распростер руки в стороны, словно впитывая энергетику любви и восторга, заполняющую все пространство огромного помещения. Ваня просто вытянул над головой руку, сжатую в кулак, так своеобразно прощаясь со зрителями.

– Наслаждайся, – оказавшись за кулисами, Тёма похлопал меня по спине, будто давая свое одобрение.

Странно. Я была уверена, что они давным-давно приняли меня в свою банду.

– Королева Марго! – поприветствовал, дразня, Дима, но сделала это со своей добродушной улыбкой.

– Маргарита, – как-то чересчур галантно произнес Ваня, проходя мимо. Если бы на нем была бы шляпа, он, наверное, приветственно приподнял бы ее, взявшись за поля.

Я уже говорила, что эти музыканты своеобразные люди? Наверное, еще не раз это сделаю.

Появилось ощущение, что без меня меня женили, то есть выдали замуж. Но я забыла про странное поведение музыкантов, когда слышала Костин голос.

Уже, наверное, в сотый раз слышала песню, но каждый раз, как в первый, меня переполняли эмоции, а в голове возникали мысли, больше похожие на вопросы: Это мне? Это про меня? Это для меня?

Невероятно.

Закончив петь и искупавшись в зрительских овациях, Костя оставил всех своих поклонников, подбежал ко мне и ода-

рил головокругительным поцелуем.

– Ты слышишь? – радовался как ребенок. Я прислушалась к неумолкающему в зале реву. – Это все ты! – заявил и стиснул в объятиях так, что перехватило дыхание.

– Сумасшедший! – все, что смогла ответить.

Утром ели открыла глаза. Вернувшись домой глубокой ночью, я еще долго слушала восторги Кости о том, как хорошо приняли новую песню, так что поспать мне удалось от силы часа три.

Думала, засну за рулем по дороге в универ. Две пары клевала носом, а монотонная лекция лектора только еще больше убаюкивала. В какой-то момент готова была отрубиться, так удобно подперев голову рукой, если бы не взбодривший меня тычок в спину.

– Кирова, – шикнула Настя.

– Чего тебе? – сонно спросила.

В то время как мне даже оборачиваться было лень, она бодро болтала.

– Представляешь, в сети, наконец, появились фотки девушки Кита, которую он долгое время скрывал ото всех. – Спать сразу перехотелось. Что она несет? Какие фото? Все наши совместные с Костей фотографии делались либо на наши телефоны, либо на личную технику парня, и никто не имел к ним доступ. Или у него есть еще кто-то? – Почему он ее прячет? – размышляла девушка. – Может, она страш-

ная? – ехидно рассмеялась.

Я повернулась к однокласснице, та сидела уставившись в телефон.

– Дай-как посмотреть, – ненавязчиво попросила. Я должна была знать соперницу в лицо!

Настя протянула мне телефон, и я с ужасом прокручивала с десяток фото со вчерашнего концерта: вот Костя обнимает меня, а тут целует.

– Слушай, – снова послышался за спиной тихий голос, – а она на тебя похожа.

Я чуть не выронила гаджет из рук.

– Че-го? – как нервнобольная протянула. Боялась, посмотреть на девушку, опасаясь, что выдам себя одним только видом. – Ну может, есть немного, – подумала, что если соглашусь, это будет выглядеть более естественно, чем с пеной у рта доказывать, что она ошибается. – Да тут такое качество, – вернула телефон, положив на стол, – что она кажется и на тебя похожей.

Настя приглядывалась к нечеткой картинке, а потом хмыкнула:

– Ну да, есть немного.

Едва удержалась, чтобы не вздохнуть на всю аудиторию от облегчения. Правда, успокоение не было долгим. Стоило только подумать, что наши с Костей фотографии наводнили интернет и только ленивый их не увидит, мне стало по-настоящему страшно. Сколько мне еще удастся скрывать прав-

ду?

Всю большую перемену я просидела в столовой, заняв самый неприметный столик углу. Смотрела на жующего парня за соседним столом и думала о том, что, возможно, он все знает обо мне. Потом уставилась на весело щебечущую первокурсницу в очереди, и гадала, не меня ли она обсуждает с подружкой. Все! У меня паранойя!

К следующей паре мне удалось справиться с собой и даже в конце семинара «на отлично» выступить у доски. Уже не помню, что говорила: просто воспроизводила заученную информацию. Конечно, мало кто из группы слушал меня: одни выводили на последней страницы тетради какие-то каракули, называя это потом рисунками, другие нагло переговаривались, третьи были поглощены своими телефонами. Никто уже не представлял без них свою жизнь, поэтому даже наш профессор снисходительно относился к тому, что студенты заняты перепиской в соцсети, а не «впитывали, как губка» драгоценные знания. Лишь бы не мешали другим, тем, кто действительно хотел и любил учиться. Поэтому когда телефон Сазоновой, лежащий на краю стола, завибрировал, привлекая всеобщее внимание, мужчина только бросил на нее предупреждающий взгляд. Машка засмушалась и тут же схватила «андроид», пряча его под стол, но при этом не упустила возможность тайком взглянуть на экран. Потом, распространяясь как зараза, стали пищать, гудеть, выть телефоны остальных студентов. А фраза, вернее дикий возглас,

Саши Карпанова, что вечно спал на последней парте, стала последней каплей терпения профессора.

– Да чтоб я сдох! – парень оторвал голову от своего «андройда» и посмотрел на меня, – Кирова, ты?

– Карпанов, немедленно покиньте аудиторию! – профессор не стал церемониться. – Мало того, что вы приходите на мои занятия поспать, так теперь мешаєте учебному процессу! Вернетесь с допуском из деканата! – строго наказал.

– За что? – возмутился соня. – Это все Кирова виновата.

– Не желаю слушать ваши оправдания, – перебил его мужчина. – Выйдете.

Сашка обижено взял свой пустой рюкзак, и поплелся к выходу.

А я только и думала, что такого экстраординарного парень мог увидеть в телефоне, чтобы не то, что проснуться, но и воскликнуть на всю аудиторию. В голову ничего хорошего не приходило.

Звонок освободил меня от повинности стоять у доски, и я пошла к своему месту, тогда как вся группа окружила меня, уставившись удивленными глазами.

– Что вы на меня так смотрите? – не выдержала их немного давления.

– Это правда? – Сазонова первой решилась задать вопрос. – Ты встречаешься с фронтменом группы «Адамас»?

– Что за глупости ты говоришь? – я рассмеялась, но голос дрожал. Хотела собрать свои вещи в сумку, но из вспотев-

ших от напряжения и страха рук все валилось. – Сама подумай, кто *я* и кто *он*, – не сдавалась и до последнего решила отпираться. – Мы вращаемся в слишком разных кругах для того, чтобы хотя бы быть знакомыми, не то, что встречаться.

– Но тут написано, ... – Машка сомневалась, кому верить, мне или сплетням в интернете, и как неопровержимое доказательство зачитала вслух текст с телефона, – ... *Стало известно имя таинственной девушки фронтмена «Адамас» – Константина Соболева. Ей оказалась двадцатидесятилетняя студентка...*, – она замолкла и подняла на меня ошарашенный взгляд, – нашего универа, – прошептала, будто не верила своим глазам, а следующая прочитанная фраза заставила нас обеих просто онеметь, – ... *Кирова Маргарита Александровна...*

В аудитории повисла гробовая тишина, кажется, никто даже не дышал. Однорупники ждали от меня какой-то реакции, хотя бы слово объяснений, а я не знала, что еще придумать – все было против меня.

– Мне пора, – едва выдавила из себя из-за пересохшего горла и начала пробираться к выходу, расталкивая остолбеневших ребят.

– Кирова! – услышала уже в коридоре, но не останавливалась и даже не обернулась.

– Стой! – кто-то больно схватил меня за руку. Хотела послать приставалу куда подальше, но наткнулась на знакомое лицо и поджала губы. – Кирова, – Настин взгляд, обычно

дружелюбный, превратился в злой и завистливый, – надеюсь, ты не дуришь всех, выставляя идиотами.

– Я не выставляю никого идиотами, – захотелось стряхнуть ее руку со своего плеча, как противного паука или таракана, – а моя личная жизнь не твое дело или еще кого бы то ни было.

– Так значит, это правда, – девушка уже не сомневалась.

– Да, – коротко ответила, не считая нужным и дальше оправдываться перед ней.

Настя разжала пальцы, и я, не теряя ни секунды, зашагала прочь по коридору, и до тех пор, пока не свернула за угол, чувствовала на себе ее испепеляющий взгляд.

Что теперь будет?

Несколько раз брала в руки телефон, чтобы позвонить Косте, но каждый раз останавливала себя. Сейчас не самое подходящее время – у него прямой эфир на одном из телеканалов по поводу предстоящей музыкальной премии. Решила не отвлекать его и оставить разговор до вечера.

Оказавшись дома, никак не могла успокоиться. Мысли о том, что столько информации обо мне теперь в свободном доступе, заставляли меня, заламывая пальцы рук, нервно кружить по квартире. Мучили вопросы: Кто сделал те фотографии? Как узнали мое имя?

Просто с ума сходила!

Не в силах больше терзаться, села за ноут, чтобы выяснить

насколько известной личностью я стала. Ужаснулась, когда обнаружила, что чуть ли не на каждом сайте, где обычно мигала реклама всякой ненужной ерунды, теперь красовались наши с Костей фото с кричащими заголовками. В одном из таких говорилось, что я неизлечимо больна и скоро умру, поэтому Костя меня прячет, в другом – мы чуть ли не родственники и приписывали нам инцест. Какая гадость!

Захлопнула компьютер, чтобы еще больше не вязнуть в этой грязи. Стало просто невыносимо пребывать в одиночестве и не иметь возможности с кем-нибудь поговорить. С Костей связаться в данный момент я не могла, поэтому набрала номер другого близкого человека.

– Мамуля! Как у вас там дела? – для начала хотела узнать, что ей известно, чтобы раньше времени не расстраивать. Если она пока не в курсе последних событий, буду как можно дольше скрывать, что ее дочь стала «знаменитой».

– Отлично, просто отлично! – радостно уверяла она. – Представляешь, твои племянники заговорили!

– Здорово, мам, – тоже попыталась казаться веселой. – Макс, наверное, счастлив.

– Был, – рассмеялась, – в начале. Теперь не знает, как заставить их хотя бы немного помолчать.

Стало ясно, что в нашем тихом городке пока мирно и туда еще не дошли сплетни. Правда, там мало кто интересовался скандалами шоу-бизнеса. Там, дома, у людей были другие заботы.

– А ты как, милая? – Я едва сдержалась, чтобы не признаться ей во всем, страстно желая, чтобы она утешила меня, как в детстве, поглаживая по голове. – Как Костя? У вас все хорошо?

На парня я не могла пожаловаться.

– Он посвятил мне песню, – похвалилась, а сама чуть не расплакалась.

– Боже, какой чудесный мальчик! – воскликнула.

Я тут же забыла обо всех своих печалях и рассмеялась.

– Mam, этому мальчику скоро тридцать, – тут я немного преувеличила, чтобы подчеркнуть огромную разницу между «мальчиком» и Костей.

– Для меня вы навсегда останетесь детьми. – А для меня она всегда будет самой лучшей мамой на свете. – Я так рада за тебя. Ты счастлива, правда?

– Правда, – просто согласилась. Все равно не нашла бы подходящих слов, чтобы описать глубину своих чувств. – Очень счастлива.

– А когда мне ждать внуков? – спросила игриво, но без фальши и пошлости, как могла только мама.

Дети? Я никогда не думала о них.

Может, кто-то и представлял себя матерью семейства с пухлощеким карапузом на руках, но только не я. У меня и серьезных отношений как таковых не было, чтобы предаваться мечтам о семье. В голове промелькнула мысль, что отцом моих детей мог бы стать Костя. Представила, какими были

бы наши дети: у мальчика непременно папина улыбка, а у девочки – его зеленые глаза. Еще у нее будут такие тонкие изящные пальцы, и она будет превосходно играть на пианино. А когда наш сын подрастет, обнаружится, что у него прекрасный голос и он... Стоп, Рита! Что-то меня понесло, я даже не знала, что как относился к детям Костя. Хотел ли он семью? Мы никогда не говорили об этом.

– Мам, тебе мало двух Максимкиных сорванцов? Пожалей себя, ты уже не... – прикусила язык, сообразив, что сболтнула лишнего.

– Ты, что назвала меня старой!?! – мамин голос стал на октаву выше. – Да я еще хоть куда! И с десятью внуками справлюсь, если потребуется!

– Я не сомневаюсь, просто не уверена в своих силах, – пришлось разрушить ее фантазии. – Боюсь, родить целую футбольную команду я не смогу.

Не сговариваясь, мы чуть помолчали, каждая о своем.

– Всему свое время, – заключила мама, так закрыв эту тему.

В коридоре послышалась возня и звон ключей, и я поспешила попрощаться.

– Мамуль, кажется, Костя вернулся. Я тебе еще позвоню. Люблю тебя.

Успела только отключиться и отложить телефон, как Костя прошел в гостиную, стягивая с себя кожаную куртку. Металлические заклепки звякнули, ударившись о стеклянную

столешницу кофейного столика.

– Кому ты там признаешься в любви? – нахмурился, но его глаза улыбались.

Раньше я бы ответила что-нибудь язвительное и подразнила его, но не сейчас. Я хотела узнать, что думает парень о слухах про нас, и в курсе ли он вообще.

– Ты видел, что твориться в интернете?

Он поник – видимо, ему все известно.

– Я знаю, там могут писать отвратительные вещи, – положил руки мне на плечи.

– Например, что мы брат и сестра? – озвучила один из самых гнуснейших домыслов.

– Даже такое есть? – даже бывалый музыкант был удивлен.

– Лучше спроси, чего там нет, – вышло как-то обижено.

– Мне жаль, – и, обнимая, прижал к себе. – Просто не принимай все близко к сердцу, – посоветовал. Но давать советы всегда проще, чем следовать им.

– Наверное, надо быть слоном, чтобы не реагировать на такое, – все так же надувшись, бубнила ему в грудь. – Теперь вся моя группа в курсе, – раскрыла последние карты.

– Сама призналась? – этот вопрос почему-то взволновал Костю.

– Пришлось, отпираться было бессмысленно, – расстроилась, что наш маленький мирок, созданный в этой самой квартире, теперь не будет прежним. Костя же, наоборот, обрадовался, чуть заметно улыбнувшись. – Что тебя так разве-

селило? – начинала сердиться, что он не воспринимает всерьез возникшую проблему.

– Теперь все знают, что ты моя. – Похоже, у него проснулся собственнический инстинкт, но я бы солгала, если бы сказала, что мне это не понравилось.

– Да, – гордо согласилась. – Пусть все эти визжащие девичьи знаю, что в случае чего, есть та, что отшибет их длинные ручонки и повыдергивает все волосы.

Я обняла *своего* парня, и теперь тот факт, что наши отношения больше не тайна, не казался таким уж страшным.

Но как же я заблуждалась. Справляться с правдой оказалось сложнее, чем скрывать ее.

Это я поняла уже на следующий день, когда только ленивый не подошел ко мне в институте и не спросил: действительно я девушка Кита? Ладно, если этим интересовались мои одноклассники (они-то имеют ко мне хоть какое-то отношение), но когда спрашивают незнакомцы (все равно что прохожие на улице), это было выше моего понимания. Но то оказались цветочки.

В одночасье у меня появилось столько друзей, что на пять жизней вперед хватит. Они «стучались» в соцсети и предлагали дружить, а некоторые просто требовали. Расспрашивали о Косте и о наших отношениях. А если я их игнорировала, писали откровенные гадости. Чтобы хоть как-то оградить себя от наглецов, так бестактно сующих нос в мою личную жизнь, мне пришлось покончить с социальной жизнью

в интернете, и даже сменить номер мобильного. Но это дало мне покой только на время, потому что скоро меня начали терроризировать журналисты, прося об интервью, в котором я *«откровенно расскажу всю правду о своих отношениях с Константином Соболевым»*. Ну да, конечно, пойду вот так и все им выложу!

Я надеялась лишь на то, что вся эта шумиха скоро закончится: появится новая скандальная сплетня, и про нас с Костей забудут.

Но время шло, а мое раздражение и усталость росли в геометрической прогрессии. Даже сейчас, завтракая с Костей в тихой спокойной обстановки нашей кухни, меня не оставляли мысли о том, как изменилась моя жизнь. Нет, в наших отношениях с Костей, как и прежде, был штиль, но внешние раздражители не давали быть ему безмятежным.

Я попивала чай и наблюдала, как парень, сидя напротив, изучал какие-то бумаги. Он выглядел бодрым и полным сил, словно ситуация, заложниками которой мы оказались, его не сильно тревожила. Вернее он привык к постоянному вниманию к своей персоне. Что уж там, он каждый день отвечает на одни те же вопросы и при этом сохраняет ледяное спокойствие. Нет, он весело отшучивается. Я так не умела. Меня так измотали нервы, что даже аппетита никакого не было. Едва заливала в себя этот несчастный чай.

Я все больше сдавала позиции, и боялась, что близок тот час, когда сорвусь на кого-нибудь, хорошенько прокричав-

шись, ну или впаду в истерику, найдя облегчение в слезах.

Мой телефон издал короткий звук – новое сообщение. Костя поднял на меня взгляд и чуть улыбнулся, не придав значение произошедшему. Без особого желания я искала «андроид» в сумке – в последнее время мне не писали ничего хорошего.

«Держись подальше от Кита, иначе пожалеешь!» – гласило послание.

Ха! Удивили! Да я сто штук на дню таких получаю, а иногда слышу прямо в лицо.

– Опять угрожают, – равнодушно поделилась с Костей.

– Покажи, – протянул руку, но я уже успела удалить СМС-ку.

– Поздно, – отложила телефон в сторону.

– Что на этот раз? – порой он был дотошным, не только когда дело касалось его творчества.

– Да как обычно, – он лучше меня знал, что пишут в таких случаях, – ничего нового не придумали.

– Ты не серьезно к этому относишься, – упрекнул.

Просто замечательно! Я еще и виноватой осталась!

– Просто устала бояться, – встала из-за стола, с громким скрежетом отодвинув стул, и вылила в раковину остатки чая.

– Ты не должна бояться, – его голос был твердым, и даже стоя к нему спиной, не сомневалась, он смотрит на меня таким же решительным взглядом.

– А что я должна!?! – несмотря на все усилия контроли-

ровать себя, вопрос прозвучал как-то визгливо и истерично. Я решила сбежать в институт от проблем и назревающего скандала и направилась к выходу.

– Для начала успокоиться, – еще один скрип стула и Костя уже стоял передо мной, перегораживая путь.

– Меня уже тошнит от этого слова! – отступила к окну, когда поняла, что мне не прорвать Костину оборону. – Все только и твердят: «Успокойся, Рита, все будет хорошо». Я не тупая, давно поняла!

Костя понял, что словами сейчас до меня не достучишься, и развел руки в стороны, приглашая в свои объятия.

– Иди сюда, – тихо позвал.

Как обиженный ребенок, я немного потопталась на месте, не решаясь сделать шаг (хотя это мне было впору извиняться за несдержанность), а потом все-таки подошла и прижалась к его груди. Закрыла глаза и слушала ровный ритм его сердца. Успокаивалась. Все же советуют именно это!

– Как тебе это удастся, – спросила, все больше расслабляясь, – не обращать внимание?

– Просто представляю, сколько драгоценных минут своей жизни потрачу на напрасные переживания, и понимаю, что оно того не стоит. – Он положил ладони мне на лицо, и я подняла подбородок, заглядывая ему в глаза. – Ведь это время я могу провести с тобой. Всегда найдется тот, кто скажет в твой адрес что-то обидное или распустит грязную сплетню. И что теперь? Каждому ходить и доказывать, что ты не вер-

блюды? Ты знаешь правду, я знаю. А если Вася из соседнего подъезда предпочитает верить чужим словам, а не собственным глазам, то чёрт бы с ним. Какая разница?

– Они же словно издеваются, – вся бравада ушла, и я жалостливо заскулила, – как тигра в клетке, тыкают палкой.

– Так можешь порычать, тигрица, – он встряхнул меня за плечи, задорно улыбаясь.

– На кого? – с печальной, но все же улыбкой, спросила. – Все эти трусы, прячутся за никами и аватарками в интернете.

Костин взгляд поменялся. Я не раз видела этот блеск в его глаза – он опять что-то придумал. Что-то безумное и, возможно, противоречащее общепринятым нормам.

– Есть один способ снять напряжение, – он настойчиво подталкивал меня к выходу.

С фантазией у меня было плохо, и я предположила самое очевидное в моем понимании:

– Секс?

Костя рассмеялся.

– Тоже вариант, – не стал отказываться от «десерта», – но эту лечебную процедуру, если ты не против, оставим на вечер.

В гостиной он обогнал меня и, распахнув занавески, открыл дверь лоджии. В комнату ворвался осенний прохладный воздух, заставив вздрогнуть.

– Хочешь, чтобы я сиганула с балкона на радость твоим фанаткам? – скептически глянула на парня, гадая, что же он

задумал.

– Не растеряла чувство юмора – это хороший признак, – словно для себя отметил, потом спокойно пояснил: – Я хочу, чтобы ты покричала.

– Что значит «покричала»? – все это напоминало головоломку.

– Вот так, – он вышел на балкон и, перегнувшись через перила, без колебаний выкрикнул куда-то вдаль:– Я ЛЮБЛЮ КИ-РО-ВУ МАР-ГА-РИТУ!

– Вернись немедленно! – схватила его за руку и втянула обратно в квартиру, пока перебуженные соседи не высыпали на балконы, чтобы отчитать нарушителя спокойствия. – Что это было? – уставилась на довольно улыбающегося парня.

– Эмоциональная разрядка, – буднично пояснил, и более того предложил повторить его сумасбродство. – Попробуй!

– Да ни за что! – отступила назад, чтобы он не вздумал силком вытолкнуть меня наружу. А он мог. – Я еще в своем уме, чтобы там не писали в интернете.

– Не трусь! – бессовестно подначивал засранец.

– Я не трушу, – и поглядывала на балкон через его плечо, – просто это глупо. Что это за метод такой? Все, кто слышал тебя, наверняка, подумали, что ты псих.

– Ну и пусть!

Он пребывал в какой-то эйфории, будто находился под запыренными препаратами, и моя уверенность в идиотизме его способа снятия напряжения ослабевала.

– А что кричать-то? – оглядываясь, подошла к лоджии, пока лишь всматриваясь в окно.

– Что хочешь, – положив руки мне на талию, все-таки подтолкнул вперед. Гневно глянула на него, но тот сделал вид, что ничего не произошло.

– И «Костя – дурак» можно?

– Можно, – уже был согласен на все, лишь бы я решилась.

Я положила руки на перила. Посмотрела вниз – во дворе никого не было, потом по сторонам – соседние балконы тоже пустовали. С высоты десятого этажа оглядела гудящий от автомобильных пробок город. Обернулась к Косте, он подбадривающе кивнул. Мой личный змей-искуситель!

Нет, я не осмелюсь на такое. Или осмелюсь?

Покрепче перехватила поручень, глубоко вздохнула, замурила глаза и громко закричала:

– Я НЕ БОЮСЬ ВАС, ЖАЛКИЕ ТРУСЫ! Я СЧАСТЛИВА И ВЫ НЕ ИСПОРТИТЕ МНЕ ЖИЗНЬ!

Впервые за долгое время я шла в институт в хорошем настроении. Уже и не помню, когда ходила по коридорам альма-матер, не слыша за спиной шушуканье, и не ловила на себе любопытные взгляды. Но сегодня не обращала на это никакого внимания.

Из толпы зевак, что не уставали показывать на меня пальцем, показалась Инга, и она держала курс прямо на меня. Что ей понадобилось? Испортить мне настроение?

– Рита! – услышала ее приторно-сладкий голос. Она со мной так никогда не разговаривала. – Давно не виделись, – говорила так, будто беспредельно огорчена этим фактом.

– Чего ты хочешь? – не стала тратить время и выслушивать от нее дифирамбы. Ей явно что-то от меня понадобилось, иначе она не была бы такой добренькой. – Автограф? Билеты на концерт? Пропуск за кулисы? – обычно именно с такими просьбами ко мне приставали многие наши студенты. Наверное, они думали, что я сплю на гляцевых карточках с росчерком Кости и лично составляю списки приглашенных на концерты, отсеивая тех, кто мне не нравится. А если я (не дай бог!) отказывала вопрошающим в просьбе, то меня одаривали таким взглядом, будто я вселенское зло и единственный смысл моего существования – портить им жизнь.

– Какая ты грубая, – Инга состроила из себя обиженную, и это получалось у нее плохо. Ее лицо физически не могло изобразить никакую другую эмоцию, кроме как презрение к окружающим.

Я же устала быть со всеми доброй и понимающей и прямо заявила:

– А ты лицемерная. На этом и сойдемся.

– Ладно, – развеяла напускную вежливость. – Я хочу попасть на музыкальную премию, но билеты давно раскуплены. Достанешь для меня парочку? Я заплачу.

– Попробую, – ее честное признание подкупило, да и я бы-

ла в хорошем расположении духа, – но ничего не обещаю, – предупредила, чтобы не возлагала больших надежд.

– Спасибо, Ритуль! – и снова этот ее голос, от которого сразу захотелось взять свои слова обратно.

Обошла ее, как препятствие на своем жизненном пути, поспешила на пару, которая вот-вот должна была начаться.

Я была почти у входа, когда меня окликнули по фамилии, и я без задней мысли обернулась.

– Это тебе за Кита, шлюха! – было следующим, что я услышала.

Сразу поняла, что после таких слов нельзя ждать ничего хорошего. Инстинкт самосохранения сработал быстрее, чем я успела сообразить, что происходит, и подняла руки перед собой, защищая ладонями лицо, поэтому «зоной поражения» оказалось в основном тело.

Слышала истеричные выкрики, вопли ужаса, то ли шока – вокруг поднялась суматоха, а я панически боялась открыть глаза. Обнадеживало, что никакой боли я не почувствовала, только как по шее и груди текло что-то вязкое, а в нос мгновенно ударил резкий химический запах. Я сразу его узнала. Так долгое время пахло в нашей квартире после ремонта – растворитель.

Опустила голову вниз, наконец, открыв глаза и увидела, как ярко желтая краска капала с одежды и волос, образуя у моих ног целую лужу. Чья-то рука легла мне на плечо и я, как трусливый кролик, вздрогнула.

– Рита, это я, – Олег осторожно, взял меня за одеревеневшую руку и повел внутрь здания. Я забыла, как говорить, и, не разбирая дороги, брела за ним.

Парень довел меня до женского туалета и, не смущаясь, вошел вместе со мной. Внутри оказалась пара девчонок, что украдкой курили на переменке. Они намеревались выдать что-то грозное, но, увидев, меня потушили сигареты и быстренько выскочили за дверь. Наверное, чтобы разузнать, отчего студентка расхаживает по институту перепачканная краской. Теперь я стану местной легендой.

Олег отмотал длинный «хвост» бумажных полотенец и уже несколько минут пытался оттереть мое лицо. Но мы оба знали, что это бесполезно – ни вода, ни тем более, бумага здесь не помогут.

– Оставь, – выставила свою руку, как преграду на пути молчаливого друга, когда он в очередной раз поднес к моей шее полотенце. – Это бесполезно.

– Ты как? – показалось, он почувствовал облегчение от того, что я, наконец, заговорила с ним.

– Не знаю, – сказала правду, разглядывая старый потрескавшийся кафель за спиной парня. – Что произошло? – перевела взгляд на друга. Он отрицательно покачал головой. Да и какая разница? Результат, так сказать, на лицо.

Посмотрела на себя в висящее над раковиной зеркало, оценивая ущерб: левую щеку, ухо и шею покрывал небольшой слой краски. Я была как керамическая поделка, которую

после обжига глазируют. Нервно хихикнула над собственной мыслью, чем, вероятно, напугала Олега.

– Все будет хорошо, – выдал стандартную фразу, от которой воротило больше, чем от «успокойся».

Последнее было сейчас кстати, потому что входная дверь распахнулась и с грохотом ударилась об стену. Я снова вздрогнула. Когда я стала такой трусливой?

Костя замер, напряженно разглядывая меня.

Я бросила на Олега вопросительный взгляд, друг виновато пожал плечами. Конечно, он не мог не позвонить Косте. Одними губами произнесла «спасибо». Он, приняв благодарность и криво усмехнувшись, оставил нас с Костей наедине. Музыкант к этому времени пришел в себя. Он перестал тарачиться и крепко обнял меня, прижимая к себе.

– Испачкаешься! – попыталась его оттолкнуть, но мне было не по силам справиться с ним. Да и ужасно хотелось, чтобы кто-нибудь пожалел.

– Прости, – прошептал у самого уха. – Даже представить не мог, что случится нечто подобное.

С меня спало оцепенение, будто я не до конца осознавала случившееся, а теперь меня в полной мере охватил эмоции. Стала говорить, путая слова и постоянно теряя мысль, а под конец уже издавала нечто неразборчивое, больше похожее на рыдания.

– ...ненормальные... все меня ненавидят... ничего не сделала... не виновата...

– Конечно, не виновата, малышка, – гладил по волосам, – ни в чем.

– ..тогда я не понимаю... – и заревела еще сильнее. Просто ничего не могла с собой поделаться.

– Люди завистливы, королева, – и стер большими пальцами слезы с моих щек.

– Королева? – грустно усмехнулась. В данный момент я выглядела далеко не по-королевски. – Ты видел меня? Если я и королева, то только страны Лимония, где все ядовито желтого цвета, прямо как я.

– Настоящая королева в любой ситуации остается королевой, – его любящая улыбка придала мне немного сил. – Поехали домой, – и потянул меня к выходу, но я не сдвинулась с места. Не представляла, как в таком виде выйду на улицу и предстану на всеобщее обозрение после случившегося. Просто посмешище!

– Не могу, – уперлась. – Может, подождем пока стемнеет? – жалостливо попросила.

Парень сообразил, что меня удерживает, и в следующее мгновение совершил поступок, за который я буду любить его до конца своей жизни. Он взялся за край моего джемпера и, как полотенцем, вытер им лицо.

– Что ты творишь?! – опомнилась и попыталась вырвать из его рук часть своей запачканной одежды, но было поздно. Он выпрямился, и я прикрыла ладонью открывшийся от шока рот. Теперь Костя выглядел не лучше меня: краска в

одних местах чуть окрасила кожу, а в других полностью отпечатались большими мазками. – Что ты наделал? – злость оказалось напускной, и скоро я от всей души смеялась. – То согласишься по утрам на балконе, теперь это! Ты просто псих!

– Я похож на гражданина Лимонии? – продолжал развлекать меня.

– Не сомневайся!

– Отлично! – Снова взял за руку, – Теперь выйдешь отсюда?

– Не-е-е-ет! – категорично, чуть ли не басом, возразила. – Ты себя видел? – окинула насмешливым взглядом, – Ты же весь в краске!

– Маргарита Александровна, – игриво смотрел в глаза, – вы, что стыдитесь меня?

Смеясь, поцеловала его в желтую щеку:

– Нет, люблю тебя.

Пока мы шли по переполненному снующими студентами коридору, я все больше прижималась к Косте, прячась от посторонних глаз, тогда как он гордо вышагивал, будто король мира. Может, он и прав. На данный момент мы были самыми яркими личностями в универе. Как настоящих звезд, нас снимали на телефоны. Один храбрец даже осмелился попросить о селфи. Я собиралась послать недотепу в известном направлении, но Костя ответил первым:

– Да без проблем, дружище! – и приобнял меня, позируя для фото.

– Я не хочу сниматься, – шикнула на музыканта, – тем более в таком виде.

– Забыла, что объявила утром на весь город? – сильнее прижал к себе, и шептал у самого уха, – Дашь злопыхателям то, о чем они так мечтают? Хочешь трусливо улизнуть с опущенной головой или покажешь всем, что тебя не сломят их подлянки? Выбирай, – резким движением еще сильнее прижал к себе, и улыбнулся в камеру.

Я наблюдала за «фотографом», что выбирал более удобный ракурс, крутясь возле нас, и думала, как буду выглядеть во всей этой краске, со слипшимися волосами, покрасневшими от слез глазами – жалкой и раздавленной.

– Готовы? – студенту не терпелось сделать снимок.

– Готовы! – бодро ответила и непринужденно посмотрела в камеру, расправив плечи.

В тот день мы сделали около сотни снимков с каждым желающим. Если сначала мне приходилось выдавливать из себя неловкую улыбку, то очень скоро я смеялась от всей души – Костя делал все возможное, чтобы я расслабилась, и выдумывал все новые забавные кадры для съемки, обыгрывая наше «красочное» положение. Потом, просматривая все эти фото в интернете, моментально распространившиеся по его просторам, отметила, что на каждой мы выглядели жизнерадостными и буквально светились от счастья – цветом желтой строительной краски.

2 глава. Сенсации

Вот уже пять минут из соседней комнаты доносился отборный мат. За это время Костя успел прилично пополнить мой словарный запас нецензурной лексики. Не думала, что у него такие обширные познания в этой области, всегда считала его домашним мальчиком. С такой-то матерью.

После того, как мы с Костей вырвались из толпы его поклонников и других желающих получить «прикольное» фото, и уже дома не меньше часа оттирали с меня краску, я смогла, наконец, перевести дыхание и отдохнуть после того безумия, что сегодня творилось. К этому времени Костин позитив сошел на нет. Дома он молчал, вернее, злобно пыхтел. Безуспешно пытаюсь привести меня в человеческий вид, он все больше злился. Наверное, все еще считал себя виноватым. Я не трогала его, понимая, что пока он на взводе, говорить с ним бесполезно. Поэтому, когда он предложил мне немного отдохнуть, оставив одну в спальне, я лишь согласно кивнула. Удобней кутаясь в банный халат, с ногами забралась на кровать и через несколько минут услышала, как Костя с кем-то ругался по телефону. Всю злость и агрессию он выплеснул на какого-то бедолагу.

– Мне пох*** как ты это сделаешь! Не хочу ничего слышать! Просто сделай, *** твою мать! Найди! Мне, что теперь ее одну на улицу не выпускать? Не позволю себя запугивать!

Пох** на шумиху! Скандал? Пусть будет скандал, бл***! Никому не позволю так с ней обращаться! Найди су**, что это сделала!

Звонок домофона заставил Костю прервать свою гневную речь. То, что он ответил незваному посетителю, я уже не слышала – парень говорил привычным спокойным тоном, а спустя несколько минут по посторонним голосам и звонкому цоканью каблуков по паркету поняла, что у нас гости.

Раздался стук в дверь, а потом знакомый женский голос спросил разрешения войти.

– Конечно, Ольга Алексеевна! – отозвалась, спешно поправляя кровать и свой халат.

Костина мать как всегда выглядела элегантно: естественный легкий макияж и идеально уложенная прическа. Я же стянула с головы полотенце, свернутое по типу тюрбана, и пожалела, что не успела одеться. Мне даже стало неловко за свой вид.

Сейчас, глядя на безупречно белое пальто Ольги Алексеевны, представляла, в каком бы плачевном состоянии оно бы пребывало, будь сегодня одето на мне, вернее имей я такое же чувство стиля, как эта утонченная женщина. По ее виду я поняла, что ей обо всем известно.

– Справляешься? – без лишних церемоний спросила, а ее взгляд стал оценивающим.

Так вот зачем она приехала: узнать, не бегу ли с воплями и криками, прихватив все свои пожитки, подальше от Кости.

Она приехала ради него, а не справится о моем душевном состоянии.

– Как видите, – улыбнулась. Не хотела выглядеть в ее глазах слабачкой и плаксой.

Почему эта женщина вызывает у меня желание любыми способами заслужить ее уважение? Она всегда была добра и приветлива со мной, но оставалось ощущение, что я не дотягиваю до ее уровня. В глубине души я боялась, что она считает меня неподходящей парой для Кости, и снисходительно принимает меня до тех пор, пока на горизонте не появится кто-то более достойный ее талантливого, во всех отношениях, сына. Но женщина утверждала, что все, чего она хочет – это счастье своим детям.

– Запасись терпением, – уже не в первый раз, думаю, и не в последний, посоветовала.

Да я, как белочка перед зимовкой, только и делаю, что запасаясь этим чертовым терпением! Если это женская доля, то какая тогда мужская?

– И долго терпеть? – вслух спросила лишь об этом.

– До тех пор, пока любишь. – Не хотела представлять, что когда-нибудь наши с Костей сердца опустеют и любовь умрет. Что однажды мы проснемся и посмотрим друг на друга как незнакомцы. – Послушай, Рита, – она накрыла мою руку своей ладонью, приглашая присесть на край кровати. – Я, как никто, знаю своего сына, и была свидетельницей всех его романов, начиная с влюбленности в пятилетнем возрасте в

девочку из соседнего двора, – этот пример заставил нас обеих улыбнуться, – и поверь мне, – ее голос снова стал серьезным, – он никогда и никого не любил так, как тебя. Однажды он думал, что нашел свою любовь, но ошибся. – Все мы знали эту историю с алчной моделью Екатериной Кориной. – С тобой все по-другому. Никогда не задумывалась, почему он так тщательно скрывает тебя от прессы? Раньше он никогда не таился и постоянно появлялся на публике с девушками, с легкостью открывая подробности своей личной жизни. – В голову приходили только обидные причины: я недостаточно хороша, чтобы представлять меня своему кругу или Костя боится, что опозорю полным невежеством в плане музыки и «светской» жизни. Но следующие слова Ольги Алексеевны меня успокоили: – Он оберегает тебя, дорожит вашими отношениями.

– И я дорожу, – и никто не сможет упрекнуть меня в обратном. Да если бы я относилась легкомысленно к Косте, стала бы смиренно сносить всю эту адскую пытку его популярностью? Как бы я хотела свободно, как все нормальные люди, гулять вместе по улице или, банально, сходить в кино. Но интимность – роскошь, которую мы могли позволить себе только за закрытыми дверями нашей квартиры.

– Вот и правильно, – с добродушной улыбкой похвалила. – Главное, справляйтесь со всеми трудностями вместе. Не надо строить из себя Атланта и взваливать на свои плечи всю тяжесть небосвода, когда рядом есть человек, который все-

гда придет на помощь. Это еще больше сблизит вас с Костей и сделает отношения крепче.

Так некстати душевный разговор прервал новый поток нецензурной брани – Костя вновь говорил по телефону. Ольга Алексеевна округлившимися глазами уставилась на дверь, за которой творилось это безобразие. Она тоже не знала о такой неприглядной стороне своего нежного мальчика.

– Я его такому не учила, – оправдывалась раскрасневшаяся от стыда женщина. Мне даже стало ее жалко, но от коичности ситуации не смогла сдержать улыбки.

– Думаю, он сам научился, – уверила, что она хорошая мать.

Мы смолкли, кода громко хлопнула входная дверь, и слышался злой возглас Андрея:

– Ты, сопляк, будешь давать мне указания?! Звездная болезнь разыгралась, а? Так я тебя в момент вылечу! Парой затрещин!

– Ну давай! – Костино бесстрашие заставила меня нервничать. Я взглянула на Ольгу Алексеевну, но то лишь похлопала меня по руке: мол, ее мальчики сами разберутся. Наверное, и правда не стоит лезть в мужские разборки. – Только и можешь, что болтать, – продолжал Костя ни в менее угрожающей манере, чем брат, – а как доходит до дела от тебя никакого толка!

На это Андрей громко рассмеялся.

– Послушай, толковый, да если бы не я, – так и видела,

как Андрей бьет себя кулаком в грудь, считая незаслуженно обделенным благодарностью, – ты бы не жил сейчас в этой огромной квартире в довольстве и достатке! Уже забыл, кто договаривается о твоих выступлениях? Расписывает для тебя райдер?

– А ничего, что ты за это деньги получаешь, причем не плохие? – в Костином упреке послышалась некая надменность.

– Да, получаю, – согласился Андрей без препирательств. – Только подумай, кто делает так, чтобы ты имел возможность зарабатывать эти деньги, а? – словно спрашивал, кто из двоих больше заслужил их. – Ладно, если бы я только бизнесом занимался, а то приходится и всякой хреню! Например, выискивать информацию о какой-то непонятной официантке? – сразу догадалась, что речь идет обо мне. – Думаешь, мне делать больше нечего, как искать, с кем бы тебе перепихнуться? – Стало жутко неловко сидеть рядом с Ольгой Алексеевной и слушать все это. – Избалованный маменькин сынок! – тем временем все больше распалялся ее старший сын. – Все и всегда подносили ему на блюде с голубой каёмочкой! Ты свою женщину хоть сам трахаешь или тоже помощников нанимаешь?

После такого я мечтала исчезнуть куда-нибудь. Почему эти два балбеса несут всякую непозволительную ахинею, а я за них сгораю от стыда?

Костя не остался в долгу и насмешливо бросил брату:

– Тебе виднее, ведь обычно ты свечку держишь!

Лимит позора на один день был исчерпан, и решила вмешаться и заткнуть этим дуракам рты, но Ольга Алексеевна, хмурясь, одним лишь своим ледяным взглядом усадила меня на место. Почему она ничего не предпринимает? Та, словно прочитав мои мысли, произнесла:

– Им пора, наконец, все выяснить. Когда они только начинали у них был идеальный тандем: Костя занимался музыкой, а Андрей раскруткой группы. Теперь один перерос другого. Они больше не идут нога в ногу, а душат друг друга, сами того не понимая.

Не сомневалась в том, кто вырвался вперед, а кто плелся в хвосте. Изменился Костя.

Не могла сказать точно, что за перемены с ним происходили, но видела, его что-то терзало. Раньше, обнаружив его, неспящим среди ночи, думала, что он, разбуженный музой, сочиняет песни, но в последнее время я заставляла его безмолвно сидящим в темноте. Ни гитары, ни ручки с бумагой рядом не было – он размышлял. Возможно, музыка перестала быть единственным смыслом его жизни, и эта метаморфоза озадачивала его.

Тем временем крики не смолкали, а атмосфера становилась все более напряженной.

– Зае**л! – прогремел Костя, и это было похоже на отчаянный крик души. – Ты только и заседаешь, требуешь!

– Да я о тебе, нежинке, забочусь! – Андрей пытался вдол-

бить непутому брату, по его мнению, истину.

– Да не нужна мне твоя забота! – как мог, отрещивался музыкант от опеки. – Ты понимаешь, что я уже не тот сопливый пацан с трясущимися от страха коленками, что впервые вышел на сцену перед многотысячной толпой, и не имеющий представления, куда ему податься со своими, возможно, бездарными и никому ненужными текстами!? Я не тот!

Думала, что после такого признания, обстановка разрядится, и братья смогут договориться, но Андрей зачем-то накалил ситуацию до предела, ударив по самому сокровенному – нашим с Костей отношениям.

– Это тебе только кажется, – словно внушал брату. – Нашел стоящую женщину, вот и почувствовал себя настоящим мужиком.

– Ты уже найди себе стоящую женщину, – яростно посоветовал Костя, – и души ее своей заботой! Или у тебя с этим проблемы? – переключился на излюбленную мужчинами тему. – Не по той части? – делал грязные намеки.

Теперь просто бессмысленно ждать любовного решения спора. Не собиралась дожидаться, когда дойдет до рукоприкладства и выскочила из спальни. Несмотря на все попытки Ольги Алексеевны остановить меня.

– За такое можно и по роже получить, – застала Андрея с покрасневшимся от злости лицом, – и никакая Рита тебя не спасет.

Никто из братьев, кажется, не замечал моего присутствия,

и продолжал говорить обо мне так, будто меня здесь нет.

– Да что ты прицепился к Рите? – музыканта взволновал интерес брата к моей персоне. – Не осталось разумных доводов, и ты хватаешься за любую возможность уколоть меня? – предположил ход его мыслей.

– Я всего лишь озвучил правду, – говорил, словно издевался, – ты не тянешь такую женщину, как Рита. Очень скоро с ее глаз спадет этот флер влюбленности, а с тебя антураж крутого рокера, и она бросит тебя. А я, как всегда, буду вытирать тебе сопли.

Такое Костя не смог спустить брату с рук. Ухмыльнувшись, дразня своей улыбкой, он хладнокровно произнес:

– Корина была права, ты всего лишь паразит, пользующийся мой положением. Ты пустое место. Никто.

Андрей тут же изменился в лице. Не стал больше тратить время на разговоры и накинулся на брата, хватая за грудки. Оба они рухнули на пол, задев стеклянный столик, который со звоном разлетелся по полу на мелкие осколки.

– Андрей! Константин! – авторитетная мать семейства появилась в гостиной. – Немедленно прекратите это! Вам же не по пять лет! – Застучала каблуками и, взяв за плечо старшего сына, который уложил брата на лопатки, превосходя его массой, и заставила подняться.

Как ни в чем не бывало, Андрей вытер тыльной стороной ладони кровь под носом.

– Болван, – скупно бросил лежащему на полу музыканту.

– Проваливай! – огрызнулся тот.

– Так и сделаю, – поправил сбившийся пиджак, будто вдруг осознал, что выше всего этого. – Сам разбирайся со своим дерьмом.

– Все хватит! – скомандовала Ольга Алексеевна и кивнула Андрею на дверь. Сын не стал спорить с матерью и послушно покинул квартиру. Женщина последовала за ним, перед этим бросив сочувственный взгляд на Костю и, молча, одними глазами умоляла меня позаботиться о нем.

Парень уже поднимался на ноги, разметая по полу осколки. На его лице, прямо под левым глазом, проступила огромное красное пятно, которое завтра непременно будет жутким синяком. Не знаю почему, но вместо жалости я почувствовала гнев.

Досадно цыкнув, достала из холодильника пакет с замороженными овощами и хотела приложить к травме, но Костя отклонился назад, отвергая мою помощь. От этого я разлилась еще больше.

– Сейчас и я тебе врежу! Для симметрии! – пригрозила и снова повторила попытку позаботиться об этом дурне. На этот раз Костя не стал сопротивляться, и, опустив взгляд, послушно терпел боль и дискомфорт.

– Рита, кровь! – рявкнул, испугав меня.

– Что? – не поняла. – Где? – оглядела самого парня в поисках каких-либо других увечий, но, посмотрела себе под ноги и обнаружила, что стою в красной луже. Переступила

в сторону и почувствовала резкую боль в правой ступне. – Ай! – схватилась за лодыжку.

Надо же было оказаться такой тупицей, и пройти по осколкам, даже не почувствовав этого.

– Не двигайся! – приказал Костя и подхватил на руки. Отнес в ванну, где промыл рану и зажал все еще кровоточащую рану полотенцем.

– Аптечка под раковиной, – подсказала, сидя на краю ванны.

Он достал из пластикового контейнера бинт и, опустившись передо мной на колени, аккуратно начал делать перевязку, туго обматывая мою ступню.

– Ты все слышала? – спросил, не поднимая глаз, после долгого молчания. Решился заговорить первым, тогда как я все это время трусила и не знала, с какой стороны подступить.

– Надо быть глухой, чтобы не услышать, – снова не нашла в себе сил посочувствовать, вспомнив, какие именно фразы долетали до моих ушей. – Твоя мать запретила мне вмешиваться, и вот пришлось слушать, – все-таки пожалела парня.

– Считаешь, он прав? – не отрывался от своей «работы».

– Я считаю, что ты должен был давно поговорить с братом, но откладывал, пуская все на самотек, – не стала лукавить и щадить его чувства. – В итоге вышло то, что вышло.

В ванной снова повисло молчание.

– Он сказал о том, в чем я сам себе не мог признать-

ся, – поднял голову и посмотрел прямо в глаза, – ты слишком хороша для меня. – От этих слов захотелось в голос засмеяться. – Ты сообразительная, – продолжал приписывать мне несуществующие достоинства, – живая, талантливая и целеустремленная. Перед тобой весь мир, и распахнется любая дверь, в которую ты бы не постучалась. Ты хочешь свершений, хочешь развиваться, наверное, и мир перевернуть, – уголков рта чуть коснулась улыбка. – И ты способна на это. У тебя большое будущее, не сомневайся в этом. А я кто? – он отпустил мою ногу и сел напротив прямо на пол, привалившись спиной к стене. – Годы идут, и ничего не меняется, я все топчусь на месте. Нет движения вперед, я уже не знаю, чего хочу. Все чаще задаюсь вопросом: а что дальше? Точно знаю, что не хочу лет в шестьдесят строить из себя пацана и, загибаясь от одышки и боли в дряхлом теле, корчиться на сцене. Это смешно.

Вот она, метаморфоза. Костя представил свое вероятное будущее, и оно ему не понравилось. Но мой Мастер забыл все, что так рьяно доказывал мне – жизнь переменчива и нельзя ничего знать наперед.

– Стареть можно и с достоинством, – сама собой злость исчезла и я улыбнулась. – Когда решишь, что со сценой пора завязывать, сможешь создать собственный лейбл, – перебирала возможности, – писать песни для других исполнителей или заниматься продюсированием, – чуть не сказала «как брат». Я плохо разбиралась во всей этой музыкальной под-

ноготной, и была не совсем уверена, что использовала правильные понятия. – Ну или чем там занимаются престарелые рокеры?

– Так вот кем я стану, – рассмеялся Костя, – престарелым рокером.

– А я стану сморщенной, как изюм, – сжалась всем телом, изображая этот самый сухофрукт, – подружкой престарелого рокера.

– Подружкой? – переспросил. – А женой?

В этот момент у меня, кажется, случился микроинфаркт. Почему все серьезные разговоры начинаются с шуток? Вот что мне думать: это очередная хохма или официальное предложение? А если последнее, что мне ответить?

– А ты хочешь семью, детей? – осторожно прощупывала почву.

– Почему бы и нет, – пожал плечами.

Полное отсутствие энтузиазма в его голосе меня совсем не порадовало.

– Знаешь, это не то, что надеется услышать девушка от своего парня, когда речь заходит о браке, – на что тот улыбнулся.

Костя переместился ближе ко мне, вставая на колени.

– Я просто мечтаю, – начал утрировать, откровенно переигрывая, – о том, чтобы ты стала моей женой и родила мне детей, – положил ладони на мои бедра. – Хочу, – его руки добрались до моей талии, – чтобы по дому бегала, шлепая

маленькими босыми ножками, твоя мини-копия, – и здесь уже не услышала фальши.

– А как же твоя мини-копия? – неосознанно произнесла, очарованная его фантазией.

– Хочу быть единственным мужчиной, которого ты любишь, – его руки скользнули вверх по спине, подталкивая меня ближе. – Сегодня я безумно испугался, – мы соприкоснулись лбами, и я, опустив взгляд, следила за каждым движением губ Кости, пока тот говорил. – Не представляешь, как я боюсь потерять тебя. Все думаю, что в один прекрасный день ты всплывешь из-за очередной СМС-ки с угрозами, из-за настырной фанатки или тебя добьет новая сплетня и ты уйдешь, – задержал дыхание и тяжело и сбивчиво выдохнул. – Пообещай, что не оставишь меня.

Но я не могла дать ему такое слово.

– Я люблю тебя, – это все, что могла сейчас сказать.

Невозможно предсказать, каким будет следующий поворот судьбы. Больше всего на свете, в эти моменты я хотела бы быть рядом с Костей, но не представляла, что ждет нас завтра. Он и сам это понимал, поэтому не стал давить. Нам оставалось только верить. Верить в нас.

На следующее утро курьер доставил от Андрея увесистые тщательно запечатанные конверты с документами. Брат сдержал слово, и дал Косте такую долгожданную свободу. Но

то была лишь иллюзия.

Начав разбирать весь этот ворох бумаг, мы нашли договора об аренде помещений, сведения о зарплатах всей команде Костиной команде, о налогах и еще кучу всего непонятного. Потом на электронную почту посыпались остальные отчетности: райдер, список мероприятий, что музыкант обязывался посетить в ближайшие недели, каким журналам должен дать интервью, в каких фотосессиях должен поучаствовать. Только сейчас я поняла, насколько большую работу все это время проделывал Андрей.

Очень скоро Костин телефон начал без конца трезвонить (видимо бывший продюсер переадресовал все вызову брату) и каждый требовал конкретных ответов. Музыкант растерялся и не знал, в какую бумажку заглянуть, чтобы сориентироваться в собственном расписании. Но я видела твердое намерение разобраться во всем, начать жить самостоятельно, и старалась помочь Косте в этом начинании.

Мы сделали десятки звонков и не на меньшее количество ответили, подтверждая или отменяя договоренности. Вносили правки в график, в котором даже значилось забрать концертные костюмы группы из химчистки. Сколько же важных мелочей поддерживают слаженное и бесперебойное функционирование «Адамас»!

Но оставались вопросы, которые ни я, ни Костя, как бы ни хотели, не могли решить. Юридические аспекты вверили Лёше. По словам Кости, он был проверенным человеком, к

тому же старым другом, так что музыкант доверял, хотя я сомневалась, стоит ли так близко подпускать Лёшу к нашим отношениям после того, как он однажды уже послужил причиной ссоры. Не вызовет ли он очередной приступ ревности у Кости?

– Немного страсти нам не помешает, – отшутился в ответ на это Костя. – Он хороший юрист, и я не хочу привлекать к делу абы кого.

Другими словами, Костя мне доверял, поэтому поколебавшись, я все же поддержала его идею, но вскоре моя уступчивость обернулось против меня. Эта парочка быстро спелась, и казалось, с одной-единственной целью – доставать меня. Новая роль Костиной помощницы была непривычной и утомительной, но зато у меня не оставалось времени думать о происшествии с краской и печальной славе, обретенной в связи с этим. Я вообще скорей хотела забыть всё, как страшный сон, но Костя с Лёшей решительно были настроены найти организаторов злой шутки и привлечь их к ответственности.

– И как вы это сделаете? – скептически смотрела на новоиспеченных супергероев, что, как тараканы, ни с того ни сего завелись на моей кухне.

– У нас есть видеозапись с камер наблюдения, – парировал Лёша, уверенный, что этот факт убедит меня в успехе их с Костей затеи.

– На которой толком ничего не видно, – заметила, загля-

дывая в холодильник, при этом отеснив парня в сторонку. – И вообще, пока мы не докажем, что сообщения с угрозами и, если вам угодно, нападение связаны, то ответчик пройдет по статье хулиганство, а не преследование.

– Откуда ... – Лёша явно не ожидал от меня таких познаний.

– Откуда ты об этом узнала? – закончил Костя за него мысль.

– Я просто очень умная, – подмигнула и оставила друзей одних на кухне.

А еще я любопытная, поэтому «погуглила» информацию в интернете.

Не хотела столь решительных мер, как уголовная ответственность. Наверняка, зачинщицей шалости была влюбленная в Костю девочка-подросток, и я не собиралась портить ей жизнь пылящимся делом в полиции. К тому же уже три недели, как прекратились угрозы, и меня дергали только журналисты, но мнительный юрист не оставлял это дело.

Можно было бы подумать, что отказавшись от «услуг» Андрей, Костя сменил одного требовательного тирана на другого, но в этот раз музыкант сразу четко разграничил деловые и дружеские отношения. Лёша занимался только юридическими аспектами дела и не касался других сфер, поэтому между друзьями не возникало никаких трений. Например, ему было абсолютно наплевать приедет ли Костя на очередное интервью или нет, потому что эта информация его

просто не касалась. Каждый раз, перешагивая порог нашей квартиры, он становился просто другом, и если и принимал участие в решении каких-либо проблем, то неуверенно давал советы, а не указания, требующие беспрекословного выполнения, как в случае с Андреем.

Лёша догнал меня у чертежного стола, где я собиралась закончить проект, и начал нагнетать атмосферу, преувеличивая масштабы проблемы. Костя же, привалившись плечом к дверному косяку, наблюдал за всем издалека, и позволял другу беспрепятственно мешать мне работать.

– Рита, а если бы это была не краска, а что похуже? – предположил Лёша.

Немного напряглась, все-таки тот инцидент где-то глубоко внутри породил страх, что я больше не могу считать себя в полной безопасности, и должна быть готовой к тому, что Костины фанатки в любой момент могут преподнести мне новый неприятный сюрприз.

– Не думаю, что кто-нибудь зашел бы так далеко, – старалась больше убедить себя, чем парня. – Это была безобидная детская выходка, – взяла карандаш, всем своим видом показывая, что занята, и Лёше пора бы тактично удалиться.

– Тебя не переспоришь, – сдался парень. Уверена, за моей спиной он все-таки будет продолжать свое *расследование*.

Ну прямо адвокат дьявола!

Эта мысль заставила меня улыбнуться. Перемена моего настроения не ускользнула от Лёши, и выражение его ли-

да стало суровым. Он не любил, когда над ним шутили или смеялись. В отличие от человека-праздника – Кости – юрист отличался серьезностью и рационализмом. В этом мы были с ним похожи, и, наверное, поэтому быстро нашли общий язык.

Хотела сказать какую-нибудь остроту по поводу его хмурого взгляда, но телефонная трель отвлекла меня. На экране мигал незнакомый номер, но с тех пор, как я стала помогать Косте и координировать многие его встречи, я перестала пугаться звонков от неизвестных, опасаясь наткнуться на угрозу или оскорбление.

– Здравствуйте, Маргарита, – сразу же послышался торопливый женский голос. – Вас беспокоят из редакции «Звездная жизнь». Приглашаем вас на съемки. Тема выпуска: «Отношения со знаменитостями: обратная сторона славы».

Как же я устала от этих докучливых звонков и нелепых предложений: мы заплатим, а вы выверните свою душу назнанку перед многомиллионной аудиторией. Эти деньги потом останется только пустить на консультации психолога, после такого-то... стресса.

– Спасибо, – не дала и дальше ей отнимать у себя время, – но я не заинтересована в вашем предложении. До свидания, – и отключилась. Обернувшись, увидела вопрошающие взгляды друзей. – Приглашали на ток-шоу, – пояснила.

– Может, зря ты отказалась? – как-то рассеяно спросил Лёша, будто размышляя о собственных словах.

Если он пытается втянуть меня в Костину светскую жизнь, которую я категорически отвергала, то даже не собиралась поднимать эту тему.

– Ты знаешь мое мнение... – начала было я, но вмешался, Костя.

– Что ты имеешь ввиду? – музыкант уселся стоящее рядом кресло.

– Дайте им то, чего они хотят, – Лёша обосновался напротив друга. Кости уперся локтями в ноги и подался вперед, одним лишь взглядом требуя объяснений. – Они хотят Риту, так пусть получают, – спокойно пояснил Лёша, а я же испортила чертеж кривой линией из-за дрогнувшей руки. Повернулась к властителям моей судьбы, которых, судя по всему, абсолютно не интересовало мое мнение.

Костино кислое лицо, не сомневаюсь, как и мое, заставило Лёшу вдаваться в подробности и пояснить суть своей задумки.

– Вас штурмуют журналисты, и для того, чтобы они отстали, нужно не прятать Риту за семью замками, а представить ее миру, тем самым лишит этих гиен возможности эксплуатировать ее имя в качестве скандальных заголовков для своих газетенок и тем телешоу. Они просто потеряют к ней интерес.

– Хочешь, чтобы она дала интервью? – Костя смотрел на друга скептически. Он знал, что я не соглашусь, поэтому его вопрос весьма удивил меня, – Думаешь, это сработает?

– Уверен на девяносто девять процентов, – заверил. Ви-

димом, один процент он милостиво оставил в моем распоряжении, чтобы я для приличия смогла чуть взбрыкнуть, а потом все-таки смириться с судьбой. – И это не обязательно должна быть официальная встреча с журналистами, – Лёша искал выход из положения. – Например, скоро музыкальная премия. Ты ведь будешь там? – посмотрел на Костю, тот кивнул. – Вот Рита и составит тебе компанию. – Снова переключил внимание на меня, – Ты всего лишь наденешь красивое вечернее платье, пройдешься с Костей по ковровой дорожке, попозируешь для пары фото, а во время церемонии просто будешь тихонько сидеть рядом.

Мне стало дурно, как только представила себя в окружении камер и фотовспышек.

– Нет! – всплыв, швырнула карандаш на стол, который скатился по наклонной плоскости и грохнулся на пол. Так и оставшись сидеть к парням спиной, поставила локти на чертеж (все равно он был безнадежно испорчен) и уронила голову на руки, запустив пальцы в волосы.

Меня будто заставляли переступить через себя в угоду чужих желаний и удобства. Почему чужих? Костиных. Отношения – это всегда уступки, почему же здесь я не могу заставить себя подыграть?

Не представляю, сколько длилась неловкая пауза, но спустя некоторое время услышала, как кто-то прочистил горло, а потом Лёшин голос:

– Я пойду. У меня скопились кое-какие дела... В общем,

пока.

Костя ничего не ответил, и по звуку захлопнувшейся двери я догадалась, что виновник моего угрюмого настроения ушел.

– Силком тебя никто и никуда не потащит, – произнес Костя.

Уже по одному его голосу я поняла, что он расстроен. Расстроен моим отказом. Еще бы!

Я отрецировалась от публичности, как будто этот что-то недостойное меня или даже позорное. Словно Костя занимался чем-то аморальным и попадающим под одну из статей уголовного кодекса, а я не желала замараться в его грязи. Наверное, именно так он и думал.

– Знаю, тебе не нравится та жизнь, что я веду за пределами дома...

– Я боюсь, – перебила, вдруг осознав, по какой причине упираюсь. – Боюсь, что всё испорчу; боюсь камер; боюсь, что ляпну или сделаю что-нибудь непутевое и опозорю тебя. – Боже, – взмолилась, – я и на каблуках толком ходить-то не умею!

А еще я боялась до парализующего все внутренние органы и конечности спазма, что наружу всплывет мой секрет. Тот, о котором я так и не решилась рассказать Косте. Правда могла необратимо изменить наши отношения и «королева», какой я была в его глазах, навсегда умрет.

Костя подошёл ко мне и обнял со спины, интимно шепча

на ухо:

– Значит, буду носить тебя на руках.

– А если я обзову кого-нибудь дураком? – грустно усмехнулась. – Ты же знаешь, я могу, – накрыла его руки на моей талии своими ладонями.

– Стану с удовольствием наблюдать, как ты своим острым языком распнешь его за глупость, – поцеловал в шею, – и всем и каждому буду гордо заявлять: это моя девушка.

Раньше я не видела от Кости даже намека на желание таскать меня с собой на тусовки, и нас обоих это устраивало: он ходил на подобные мероприятия, подогревая интерес к группе (это был своего рода пиар), а я корпела над чертежами, дожидаясь его дома. Ревность? Я доверяла. Знала, Костя любит меня и вряд ли пара бокалов шампанского и дама в откровенном наряде собьют его с пути.

– Я подумаю, – дала ему надежду, хотя, как сказал Лёша, на девяносто девять процентов была уверена, что никуда не пойду. Но оставался целый процент того, что я, возможно, передумаю.

– Подумать – это все, что от тебя требуется, – весело отозвался Костя, обрадовавшись. – И чтобы отвлечься на время от этих мыслей и принять решение на свежую голову, сходим в гости к Вике с Тёмкой. У них там какой-то юбилей, – помедлив, добавил, – вроде бы детский. Будем смотреть, как Эля размазывает по столу детское питание – очень увлекательное зрелище.

– И сколько ей исполнилось, – решила поиздеваться, будучи уверенной, что Костя представления не имеет о возрасте малышки.

– Три месяца, – задумался, – нет, восемь... Или год? В общем, ей столько, – и развел руки в стороны, изобразил размер ребенка.

– Весьма точно, – рассмеялась.

– Зачем им этот праздник? Эля все равно ничего не понимает, да и не вспомнит потом.

– Для ее родителей, глупенький, – меня умиляло, как он иногда не понимал простых житейских вещей. – На память и просто немного отдохнуть от памперсов и жизни по расписанию.

– Так у нас с Элей похожие жизни, – вдруг констатировал, – только, славу богу, я пока без памперсов обхожусь.

– У тебя все еще впереди, – «обрадовала» его.

Костя не стал произносить вслух, что именно об этом остром языке и говорил, а я напоминать, что он любит меня такой, какая есть, и на сто процентов была уверена, что на это мое замечание он непременно бы произнес: « Обожаю тебя».

Не хотелось признавать, но Костя оказался прав. Уже полчаса мы наблюдали как восьмимесячная Эля, сидя в своем детском стульчике, крохотными ладошками мазюкала кашу из своей тарелки по столешнице, и пускала при этом слюни.

Ну прям как Костины поклонницы на концертах! Хорошо хоть мне хватило тактичности промолчать. У родителей девочки, конечно, было чувство юмора, и скорей всего они посмеялись бы над шуткой, но я не стала рисковать прослыть грубиянкой, высмеивающей детей.

Не поспоришь, малышка была очаровательной. Все гости в ее присутствии, казалось, теряли разум и сюсюкали, наивно полагая, что говорят на ее младенческом языке. Каждый пытался ухватиться за пухлую ручку или ножку.

Скоро звезда вечера была вынуждена покинуть нас – наступило время дневного сна, который, судя по постоянной зевоте и потиранию кулачками усталых глаз, она не намеревалась пропускать. О чем заявила недовольным кряхтением и дерганьем ножек.

Пока Вика укладывала ребенка, тактичные гости тихонько отсиживались в гостиной, разбившись на небольшие компании по интересам. Костя отошел в сторону с Ваней и что-то с ним эмоционально обсуждал – наверное, дела творческие. Моей же компаньонкой стала Ната, более известная, как «невеста-хохотушка».

Она болтала, шутила и смеялась, тогда как я лишь слушала, поглощая, неизвестно как попавшие ко мне в руки, детские железные «червячки». Думаю, так родители Эли решили избавиться от чьего-то неуместного угощения: малышке рано лакомится сладостями, к тому же у нее и зубов еще не было. Ната не давала мне вставить и слова, поэтому я с

удовольствием «заморила червячка». Хотя со стороны, наверное, глупо выглядела: великовозрастная мадам, как дикая кошка, рвет зубами разноцветный мармелад.

– Сочувствую, – с непривычно грустным лицом выдала Ната. – Видела фотографии с краской, – пояснила она.

Совсем не хотелось вспоминать тот случай, и я решила, как обычно поступает в таких ситуациях Костя, пошутить:

– Ты же предупреждала, что я еще намучаюсь с этими музыкантами, – выдала самую неестественную улыбку.

– Это да! – снова вернулась невеста-хохотушка. – Знаешь, я тоже периодически получаю всякие гадкие сообщения: запугивают, оскорбляют. Наивные! – хлопнула ладонью себя по коленке. – Думают, если обзовут меня жирной свиньей, то я от отчаянья брошу Диму, и он достанется этим гарпиям, считающим только себя достойными его.

Стало жалко Нату: всегда обидно, когда проходятся по твоей внешности. Конечно, ей было далеко до стандартов модели, несомненно, она и сама это понимала, но язык не повернуться назвать ее уродиной.

– А ты что? – стало любопытно, как она справляется в таких случаях. У нее больше опыта в этом плане, надеялась получить полезный и, главное, действенный совет.

– А что я? Смотрю на себя в зеркало и думаю: да я миленькая! – хохотнула. – Дима, вон, говорит, что я красавица!

Вот в чем секрет: наша самая большая защита и опора – люди, что любят нас.

Костя каждый день, осознанно или нет, поддерживал меня, называя королевой.

Любовь так проста и одновременно так сложна.

От приступа нежности захотелось прямо сейчас обнять парня, но глупо было кидаться к нему через всю комнату, не хуже его безумных фанаток, поэтому я всего лишь написала ему сообщение. Костя, не отвлекаясь от разговора с Ваней, достал из кармана телефон и быстро глянул на экран. На любимом лице просияла улыбка. Парень нашел меня глазами. Я улыбнулась в ответ, и прочитала только что присланное им ответное смс:

«Я тоже безумно люблю тебя, королева».

От ощущения безмерного счастья я, как то самое желе, растеклась по дивану, делая вид, что слушаю Нату, но на все ее слова лишь улыбалась, как идиотка.

Наконец, когда ко мне вернулась способность думать о чем-нибудь другом, кроме Кости, я решила изучить обстановку, и с любопытством бродила по гостиной, изучая детали интерьера. Вскоре наткнулась на необычную вещь: виниловые пластинки.

– И кто в вашей семье любитель ретро? – обратилась к Артему, когда он встал рядом, заметив мой интерес.

– Это мое, – похвастался своей коллекцией.

– Пластинки? – скрывала улыбку. – Серьезно?

– У людей бывают хобби, что в этом странного? – Со зна-

нием дела он взял с полки пластинку: – «Брюс Шаннэль», – прочел вслух. – Известен как «артиста одного хита». Его песня «Heu, Baby» в 1962 году три недели продержалась в лидерах американского чарта журнала «Билборд», но ему больше так не удалось повторить тот свой успех.

Наверное, испытываешь разочарование, когда в одно мгновение обретаешь что-то, а потом навсегда теряешь. А со славой все обстоит в разы хуже. Уверена, творческие личности болезненное переживают уход былой славы.

– Почему? – у автора песни должен быть талант и деловая жилка, раз он сумел покорить вершины чартов.

– Не знаю, – с грустью смотрел на пластинку, – подвела удача, – гадал, – или просто не судьба. – Он покрутил пластинку в руках: – Хочешь послушать? – предложил.

Ни песня, ни исполнитель не были мне знакомы, и, уверена, что была в своем незнании не одна. Человек, когда-то имевший огромную популярность, хоть и не долговую, уйдет в забвение, словно его и не было, и он ничего не сделал в этой жизни. Грустно.

– А как же Эля, – засомневалась, что Вика обрадуется идее мужа, – мы ее не разбудим?

– Не знаю, что не так с этим ребенком, – зашептал Артем, чтобы больше никто не узнал его «страшный» секрет, – но если Эля заснула, то ее и танком не разбудишь. Можно устроить в детской дискотеку, она не шелохнется.

– Да вы с Викой счастливы, – многие родители могли

только мечтать о таком безмятежном сне своего чада.

Артем извлек пластинку и поместил на проигрыватель, аккуратно устанавливая иголку на винил. Послышался треск, сип, а потом и голос исполнителя. Под звучащую мелодию почему-то захотелось танцевать твист. Я сделала несколько движений, вспомнив азы из тех времен, когда усердно занималась хореографией.

– Неу, Baby! – вместе с Брюсом Шаннелом пропела Косте, делая незамысловатые движения твиста.

Парень сделал удивленная лицо, оглядываясь по сторонам, и вопросительно ткнул себя пальцем в грудь, делая вид, что не верит собственному счастью.

Я рассмеялась, когда он, изображая из себя самовлюбленного секс-символа, от одного взгляда которого женщины штабелями падают к его ногам, отодвинул в сторону стоящего рядом Ваню, якобы тот ему мешает, и невероятно несуразной разбитной походкой направился ко мне. Красавчик!

Понимала, что Костя далеко не профессионал, поэтому не стала выпендриваться и хвалиться мастерством, а просто танцевала в свое удовольствие. В итоге все превратилось в цирковой номер с нелепыми гримасами, пародиями и всем известными финтами: волна руками, погружение под воду и движения в стиле диско. Форменное дурачество. Сегодня мы стали звездами вечеринки и подняли настроение не только себе, но и довели до слез смеха всех присутствующих.

– Ну «Кит-Кат» отжигают! – услышала чей-то насмешли-

вый комментарий.

Друзья редко называли парня Китом, и я уже совсем забыла, откуда взялось это прозвище.

– Привет, «Кит», – почти перестала танцевать, обнимая парня за шею. – Слышала, ищешь свою «Кат».

– Да, – кривовато ухмыльнулся, – вторую половинку.

– Чтобы жизнь была сладкой? – полностью утонув в его объятиях.

Чуть сощурившись, он вглядывался в мои глаза с этим до боли любимым взглядом с хитринкой и... Молчал. Говорить не было необходимости, я все видела и так. И даже предугадала его следующее действие – поцелуй. Если брать в расчет, что мы находились посреди комнаты на обозрении всех наших друзей, то он был до неприличия откровенным. После таких обычно хочется немедленно сбежать и остаться наедине.

– «Кит-Кат», кончайте уже! – Нас, как разгульных мартовских котов, уже были готовы поливать водой. – Здесь же люди!

– А наверху дети! – отметил какой-то умник.

– Завидуйте молча! – ответил Костя разом всем шутникам, тогда как я от смущения спрятала лицо, уткнувшись ему в грудь.

Дальше между музыкантами началась шутовская словесная перепалка, которая каким-то странным образом скоро перетекла в обсуждения работы: запись альбомов, съемки

клипов, предстоящие концерты. Только эти парни были способны любой разговор свести к музыке.

– Включите телик! – спустя время воскликнул Дима. – Уже должны всю крутить промо, отснятый к Премии

– Оно тебе надо? – отозвался Артем, все же перебирая диванные подушки в поисках пульта. – Что, давно не видел себя по телевизору?

– Вы не серьезно относитесь к своей работе, товарищи, – пожурил Дима.

В итоге на противоположной стене ярко вспыхнул большой плоский экран, транслируя новости шоу-бизнеса.

– Зачем на молодежном музыкальном канале новости? – Дима разочарованно рухнул на диван.

Никто не спешил ему отвечать – все, как один, устали в телевизор. На экране красовалось мое фото, поверх которого умело «наклеили» тюремную решетку, а для пушечного эффекта сделали и звуковое сопровождение: звук закрывающегося металлического засова.

Каждое доносившееся из динамиков слово ведущего было гвоздём, беспощадно вколачивающимся в крышку гроба моей нынешней жизни:

«Сенсационная информация о девушке всеми известного Кита из «Адамас». Кто бы мог подумать, что эта милая с виду девушка в юности успела обзавестись уголовным делом. Да-да, имя Маргариты Кировой одно из ключевых в расследовании убийства собственного отца».

Кто-то из парней быстро сориентировался и отключил телевизор, оборвав до отвращения радостную речь диктора.

– Чего только не выдумают!

– Ничего святого! – подхватил другой.

Я не различала ни лиц, ни голоса, и продолжала смотреть на черный экран, не знаю, что сказать, как дышать, как жить дальше.

Теперь все узнают! Они всё узнают!

И Костя.

– Рита, – услышала его голос и вздрогнула, – не волнуйся, никто не поверит в эту чушь, – Костина вера в меня была непоколебимой. – Мы потребуем опровержение, подадим в суд за клевету, если потребуется, – находил все новые способы отбелить мое имя, но все зря. Напрасные старания.

– Это правда, – тихо произнесла и окинула всю компанию взглядом. На меня разом обрушились их эмоции, отражавшиеся на лицах: шок, недоумение, сомнение, страх. Не смогла выдержать такого давления, и выскочила из дома, окунувшись в холодный осенний воздух.

3 глава. Все тайное...

Хотелось сорваться с места и бежать. Так чтобы от усталости сводило мышцы, а от обжигающе холодного воздуха, с безумной скоростью врывающегося в легкие, разрывало грудь. Все, что угодно, только бы не думать, не чувствовать. Но спастись было негде – весь участок, на котором стоял дом семьи Симоновых, был огорожен высоким неприступным забором. Лишь на заднем дворе, где летняя беседка теперь покрылась осенней изморозью, был островок из молоденьких с облетевшей листвой деревьев и окружавших их такой же осиротевший кустарник.

На улице было около нуля, изо рта белыми клубами вырывался пар, но я не чувствовала холода. Какое сейчас это имеет значение? Сомневаешься в важности таких мелочей, когда жизнь замирает, и ты не представляешь, куда она повернет в следующий момент.

Что теперь будет? Как Костя воспримет правду?

– Надень, – на плечи опустилась куртка, – пожалуйста, – попросил Костя, когда я никак не отреагировала, и самостоятельно начал кутать меня в ветровку, как нерадивого ребенка.

Неохотно просунула руки в рукава, а Костя продолжал возиться с молнией. Следила за уверенными движениями его тонких пальцев, но так и не решилась посмотреть в глаза.

Раньше с такой легкостью делала это, а теперь не могла себя заставить.

– Ты злишься? – не видя его лица, не понимала, какие чувства он испытывает.

– Нет, – коротко ответил. – Почему я должен злиться?

– Потому что у меня есть...был... от тебя секрет, – разглядывала серую мощеную дорожку у себя под ногами.

– Я скорее расстроен этим фактом, – и по ровному тону его голоса, слышала, что он говорит правду, – но не зол.

«Собачка» молнии с характерным жужжанием достигла ворота куртки, и наши с Костей взгляды встретились. Не представляю, что сейчас отражалось в моих глазах, скорей всего тревога, но в его – немой вопрос: что же именно я скрываю?

– Боялась и сейчас боюсь, что ты разочаруешься во мне, как только всё узнаешь, – не заметила, как щеки стали влажными.

– Откуда такие мысли? – его пальцы казались обжигающе горячим, когда он вытер слезы с моего похолодевшего от ветра лица.

– Потому что это не какая-нибудь ерунда вроде школьного романа, а... – не могла произнести вслух это страшное слово.

– А что? – не выдержал Костя напряженного молчания.

– Убийство, – едва слышно прошептала. – Я убила человека.

Мы стояли в противоположных углах беседки.

– Мне было тогда семнадцать, – нервно теребила в руках пожелтевший кленовый листок, безжалостно заламывая его во все стороны. – Сейчас вспоминаю себя ту, и понимаю, какой же глупой была. Даже не наивной, просто идиоткой. – Конечно, это не служило мне оправданием, но хотела, чтобы Костя понял, чем я жила тогда и каких ценностей придерживалась. – Никита Копылов был звездой школы, душой любой компании, ну а девчонки просто млели от него. Еще он славился самыми отвязными вечеринками. Никто не знал, где и когда будет следующая, пока за несколько часов до ее начала ты не получал смс с приглашением. А приглашали не каждого. Все мечтали туда попасть, и я в том числе. И вот однажды это произошло, меня удостоили чести. Сейчас смешно, а тогда я действительно считала это чем-то грандиозным. – Воспоминания чередой проносились перед глазами, оставляя на языке горький привкус сожаления. – Ты уже знаком с моим братом, который в некотором отношении просто копия нашего отца, чтобы представить, что мне можно было даже не мечтать получить разрешение на эту вечеринку. «Нечего тебе связываться с таким охламоном, как Капылов», – процитировала отца, стараясь подражать его строгому тону.

На мгновение подняла глаза на Костю: облокотившись на перила беседки, он запустил руки в карманы куртки и с хмурым взглядом внимательно слушал меня.

Как же хотелось узнать, что сейчас творится в его голове?

– И насколько я тебя знаю, ты, конечно же, сбежала, – догадался Костя.

Хотелось улыбнуться тому, как хорошо он успел узнать меня, но сейчас было не время предаваться романтике.

– Бессовестно соврала родителям и поздним вечером улизнула из дома. – Как же я потом раскаивалась и сожалела о лжи и этой своей бунтарской выходки. – Моя мечта сбылась, и я была безумна счастлива. Все шло просто отлично до тех пор, пока не объявился папа. Это был позор столетия: приехал на полицейской машине, с мигалками, в униформе. Он не стал разгонять вечеринку – все было в пределах закона, ему не к чему было придраться – а вот увести у меня на глазах у всех, как под конвоем, он мог.

– Не может быть, – рассмеялся Костя.

– Может, – улыбнулась, вспомнив папины своеобразные методы воспитания. – Только он был способен ославить на весь город, просто заботясь. Подумать только, укатить с вечеринки на полицейской машине.

Мы глупо хихикали, переглядываясь, пока пыл не поутих, а лица вновь не стали серьезными.

– Жаль, что я не успел с ним познакомиться, – уже без ухмылки произнес Костя.

– Думаю, ты бы ему понравился. – Папа, конечно, не хуже Макса поиздевался бы над парнем, но в итоге бы принял, видя, что я люблю его.

Будет ли Костя любить меня так, как прежде, когда вы-

слушает мою историю до конца?

Мы снова погрузились в молчание: я разорвала в клочья несчастный лист и развеяла его по ветру, а Костя глухо постукивал носами тяжелых ботинок по деревянному полу беседки. Не хотелось возвращаться к мрачным воспоминаниям и снова переживать те трагические события, но другого выбора не было.

– Сам понимаешь, после папиного представления я считала себя униженной и оскорбленной, – продолжила рассказ, набравшись сил. – Всю дорогу домой отчитывала его, будто он ребенок, а не я. Он снисходительно позволил мне выговориться и выплеснуть эмоции, а потом одним лишь словом заставил замолкнуть. Не зря он работал в МВД: имел командный голос и обладал природным, что ли, умением управлять людьми. Мы с братом любили отца, а еще больше уважали. Он никогда не наказывал нас, тем более, не бил. Сажал напротив и вел долгую беседу и, как психолог, медленно подводил, выживая из потаенных уголков души, к причинам наших поступков. После такой откровенной беседы он уже не мог на нас злиться или наказывать – он видел, мы все осознали свои ошибки. Это для него было главное. – Не заметила, как отошла от основной темы, погружаясь в детские воспоминания. Не смотря на это, Костя все так же внимательно слушал. – Его слово было законом в семье, только если дело не касалось нашей матери. Ее он любил безмерно и рядом с ней становился мягким и податливым.

– Думаю, так и должно быть: жесткость и требовательность с посторонними и любовь и забота с близкими. – Костя склонил голову чуть на бок, окидывая меня оценивающим взглядом с ног до головы, словно проверяя наши отношения на соответствие этому требованию.

Вспомнила как Костя ругался по телефону после происшествия с краской, и поняла, что со мной он обращался нежно. Надолго ли? Останется он таким после сегодняшнего дня?

– Один в один слова твоей матери, – никогда не забуду тот наш первый разговор.

– Ну так, – пожал плечами, – все идет из семьи.

Наверное, он прав: где, как не в семье, закладываются понятия о добре и зле, любви и верности?

– Так вот, – вздохнула и продолжила с того места, где остановилась, – по просьбе мамы, которая еще не знала, что ее непутевую дочь, как арестантку везут домой, отец остановился у заправки, чтобы что-то купить. «Во избежание попытки побега», – как сейчас слышала папин голос, – мне пришлось пойти с ним и не удаляться больше чем на два метра. – Я подбиралась к ключевой части истории и едва сдерживала чувства. – Папа был так увлечен наставлениями, что не сразу заметил, что на заправке творится неладное. – Сильно зажмурилась, стараясь изгнать из своей головы нахлынувшие образы. – Из магазина выскочило двое: дерганные и потрепанного вида мужчины. У одного из них в руках

был пистолет. Отец тут же достал свой табельный и оттеснил меня за спину, защищая собой как щитом. Он не спешил стрелять – у них в полиции куча предписаний и требований, когда и в каком случае применять огнестрельное оружие. Он не мог палить без разбора и без адекватной оценки ситуации. Но у преступников свои законы. Выкрикнув «менты», один из них выстрелил. – Против моей воли слезы побежали из глаз. – Вместе с папой я упала навзничь. – Прикрыла рот ладонью, не давая отчаянному всхлипу вырваться наружу.

Костя быстрыми шагами пересек беседку и обнял, прижимая к груди.

– Тихо-тихо, – успокаивал, – все прошло.

Но рассказав так много, не могла оставить недосказанности, к тому же это был еще не конец.

– Я лежала в луже крови собственного отца, – говорила ему в грудь, – вообще не соображала. До моего сознания долетел обрывок фразы: «валить девчонку». Не знаю, что именно, может муштра отца, заставила меня побороться за свою жизнь. Перевернулась на бок и дотянулась до упавшего неподалеку табельного пистолета. Я умела обращаться с оружием – отец научил меня. А дальше... выстрел и последнее, что помню – яркие россыпи звезд, растворяющиеся в ночном небе.

Дышала. Просто выполняла механическую работу легких. Вдох-выдох. И ждала, когда боль отступит. Давно перестала

верить сказкам, что со временем станет легче: горечь потери окутает дымка светлых воспоминаний, а жгучее чувство вины сменит смирение. Сладкая ложь. Но ради спокойствия родных я делала вид, что справилась со всем и продолжаю жить нормальной жизнью. Нормальной. Я ей уже никогда не буду, чтобы не говорили. Во мне что-то (хрупкое, нежное) сломалось, и я безвозвратно стала другой. Хуже? Сильней? Или же слабей? Не знаю. Просто другой.

Костя расстегнул молнию своей куртки, позволяя мне нырнуть ему под крылышко и согреться его любовью. Надеюсь, она не упорхнет как испуганная птица.

– Что ты теперь думаешь обо мне? – не видела смысла оттягивать неизбежный разговор. – Я пойму, если ты больше не захочешь... – не хотела произносить «быть со мной», будто это могло, как загаданное желание, в тот же момент исполниться, стоит только произнести вслух.

– Чего? – эхом отдалось у него в груди. – Любить тебя?

– Возможно, – как ненормальная вцепилась в пуговицу куртки и вращала ее, будто пыталась оторвать. Вырвать с корнем всё, что отравляет наши с Костей отношения. – Я же совершила, – ища подходящее слово, выбрала самое нелепое, – страшный грех.

Костина рука легла на мою, умиряя буйство с несчастной пуговицей.

– Знаешь, что изменилось после твоего рассказа?

– Что? – подняла на него взгляд, готовясь принять от него

самую жестокую правду. Немного успокоилась, когда не увидела в его глазах разочарования или отторжения.

– Теперь я считаю, – и тут проявил заботу, поправляя мои спутавшиеся на ветру волосы, – что помимо всего прочего, ты очень храбрая.

– Храбрая? – сейчас для меня это слово звучало как на китайском языке. – Что? Почему? – искренне не понимала. – Костя, сейчас не время шуток? – ломая голову, дошла и до такой интерпретации его слов.

– Я не шучу, – лицо оставалось невозмутимым, и я начала верить, что он говорит совершенно серьезно.

– Храбрость не нужна, чтобы у... – замолкла. Язык не поворачивался снова произнести «убить».

– Она нужна, чтобы защищаться, – сжал мои плечи, – сражаться за свою жизнь.

Снова эти высокопарные слова, которыми меня пичкали после смерти отца!

– Меня иногда просто бесит, – выплюнула последнее слово, – что ты смотришь на мир через призму искусства, как-то абстрактно и возвышенно, – сделала несколько шагов назад, отдаваясь во власть промозглого ветра. – Всё можешь описать красивыми метафорами, отталкивающее сделать притягательным. Но реальная жизнь – это не всегда красиво. Порой она уродливая! – Все больше начинала заводиться и скоро, уже не сдерживаясь, кричала: – Никто не хочет меня понять, только предлагают утешение! Какой от него толк?

– Так объясни! – моя нервозность передалась и Косте. – Может, я пойму! По крайней мере, постараюсь понять!

– Как? – было криком отчаянья. – Как такое объяснить? Как передать словами, что я чувствовала, когда пришла в себя в больнице, отходя от наркоза после многочасовой операции, и мне подтвердили смерть отца, а потом заявили, что тот мужчина, в которого я стреляла, тоже недавно скончался. В тот момент думала, что сойду с ума. – Как могла, старалась описать то свое состояние, что именно творилось у меня в душе. – Ты хоть представляешь, что такое видеть по ночам смерть отца? Никогда не забуду его взгляд: потухший, холодный, – этот образ навсегда отпечатался в памяти. – Подумать не могла, что последнее воспоминание об отце будет таким, – меня, как в трясину, затягивали воспоминания, но я не давала им полностью завладеть мной, концентрируясь на словах, что хотела, просто обязана сказать. – Следующие недели жила как в забытьи, постоянно на обезболивающих и успокоительных. Не могла по-человечески утешить маму. Сама не могла нормально выплакаться. Даже спокойно похоронить папу не дали. Только мне удалось вырваться из больницы, как сразу попала в суд. Слушания, допросы, следственные эксперименты. . . . Я согласна была на все, лишь бы меня оставили в покое. Хотела, чтобы этот кошмар закончился, чтобы пап был жив, чтобы мы никогда не останавливались на той проклятой заправке. . . . – голос сорвался на плач, но мне удалось сдержать слезы. Видела, что Костя хо-

тел утешить меня, но я запретила ему это делать, качнув головой. – Все папины друзья из МВД, конечно же, сделали все возможное, чтобы мне дали условный срок, – говорила уже более скупо на эмоции. – Да, в тюрьму я не села, но клеймо убийцы навсегда останется на мне. Отчасти и из-за этого я уехала из родного города, – буря внутри меня утихла так же быстро, как и разыгралась.

– Не буду читать тебе лекции о добре и зле, – прочистил Костя пересохшее горло, – о «тварях дрожащих и право имеющих». Не могу сказать и, более того, понятия не имею, – медленно, шаг за шагом, приближался ко мне, – как бы я поступил, оказавшись на твоём месте. Возможно, струсил бы. – Преодолею последнее разделяющее нас расстояние и вернул в свои объятия, – но одно я знаю точно – я люблю тебя. А остальное пусть катится к черту!

Больше похоже, что это я на короткой ноге с его приспешниками.

– А если я скажу, что иногда меня одолевают демоны прошлого, – никогда не была на исповеди, но думаю, сейчас это была она самая, – накрывает безотчетная паника? Что если ты спросишь меня, сожалею ли о содеянном, я не смогу уверенно ответить «да»? И я до сих пор не знаю, встань передо мной вновь выбор, поступила бы иначе?

Я показала свою темную сторону, и теперь дело было за Костей. Готова была принять любое его решение.

– Все равно люблю, – казалось, его ни сколько не напугали

мои слова.

– Почему? – мне была непонятна его доброта. – Сам говорил, что веришь поступкам, а не словам. Вот тебе поступок.

– Я уже говорил: храбрый поступок, – не побоялся повторить, не смотря на то, как я отреагировала в первый раз на эти слова.

Вот то в нём, что всего несколько минут назад раздражало меня, теперь вызывало улыбку и заставляло сжиматься сердце от нежности. Как такое возможно? Это какой-то необъяснимый наукой феномен Константина Соболева. Эффект «Кит-Кат»?

Все боялась, что мой секрет разрушит наши с Костей отношения, но сейчас делала это собственными руками. Не за что спустила на парня всех собак. Его единственной ошибкой было то, что он выбрал не ту девушку, влюбился в не ту.

– Прости, – покаянно склонила голову. В ней еще была куча тараканов, что давно нашли там пристанище, и я мечтала махом разогнать их всех, рассказав о прошлом. – Долгие годы я наблюдала за отношениями родителей. Может, они были неидеальными (бывали и ссоры), но они любили друг друга. По-настоящему. Я видела, что случилось с мамой, когда мы потеряли отца. Не знаю, как она держалась, как находила силы поддерживать и нас с Максом. Однажды, спустя много месяцев после похорон, я застала ее в спальне. Она держала в руках папин свитер, задумчиво разглядывая его. Аккуратно стряхивала с него несуществующие пылинки, по-

том поднесла к лицу, вдохнув его запах, и зарыдала. Так отчаянно, безутешно. Не хотела, чтобы она знала, что я видела ее такой и сбежала из дома. Тогда я решила, что никому не позволю разбить мое сердце. Лучше не любить, чем так страдать. Знаю, это трусливая позиция, но я не хотела больше боли.

Костя молчал, долго молчал. Наверное, наконец, осознал, что он не тот человек, который убережет меня от обид и разочарований. С ним, как не с кем другим, мне скорей всего грозит все это пережить. Но теперь поздно о чем-то сожалеть, я уже зашла в эту реку и еще немного и окунусь в омут с головой. Я знала на что шла, и все равно отправилась в это опасное приключение. Наконец, я поняла, что же так рьяно мама все эти годы пыталась до меня донести: любовь стоит того, чтобы рисковать.

– Я рано, будучи еще совсем зеленым, – тихо заговорил Костя, а его взгляд был устремлен куда-то вдаль, – привык к публичности, к вниманию. Привык рассказывать обо всем, что со мной происходило в моей жизни, – голос звучал уже более уверенно. – Как правило, это была полнейшая хрень: неудачные романы, разгульные тусовки. О таком можно поведать всей стране – ерунда. – Он перевел взгляд на меня: – Но то, что между нами, должно быть неприкосновенным. – Казалось, каждое его слово было произнесено только для меня и должно быть услышано только мной и ни кем иным. – Не хочу, чтобы тебя обсуждали, не хочу выставлять тебя на

обозрение, как вещь. Никаких интервью, никаких Премий. Ты только моя, а любопытные пусть найдут себе щелочку в другой двери и подглядывают еще за чьей-нибудь жизнью.

Похоже, у Кости произошла значительная переоценка жизненной позиции, да и я за последние месяцы стала более гибкой во многих отношениях. Постепенно мы меняли друг друга. Нет, не подстраивались, в каких-то моментах переступая через себя, а помогали расти над собой, шлифуя, как необработанный алмаз, все неровности характера. Хотелось надеяться, что мы делали друг друга лучше. Мне это точно было необходимо.

– Что будет с прессой? – меня волновало, что журналисты теперь с еще большим рвением начнут на нас охоту. – Тебя изведут вопросами. Как мы выберемся из этого скандала?

– Для репортёров у меня один ответ, – хитро улыбнулся. – *Без комментариев.*

– Это ты-то и без комментариев? – не верила, что такой словоохотливый человек, как он, будет спокойно помалкивать в сторонке.

– Без комментариев, – пожал плечами.

– Ты что на мне испытываешь свою систему? – меня начало веселить его дурачество.

– Без комментариев, – заладил как попугай.

– Я люблю тебя! – выбила его из колеи.

– Без... – оборвал фразу на полуслове, когда до него дошел смысл сказанного мной. – И я тебя.

Настала моя очередь веселиться:

– Без комментариев, – подняла ладони вверх, отстраняясь от него.

– Издеваешься? – прищурил глаза.

– Без комментариев, – повторила, но уже с другой интонацией, будто силилась что-то объяснить, говоря на незнакомом ему языке. – Без комментариев, – и смотрела на него как на дурака.

И даже когда я, смеясь, убегала от него, а он загнал меня, как охотник дикую лань, и, закинув на плечо, занес в дом, и на вопрос друзей о том, что вообще происходит, мы в один голос ответили:

– Без комментариев!

Я думала, что с этого дня моя жизнь изменится, причем в худшую сторону, но все сложилось как нельзя хорошо.

Конечно же, первой позвонила мама и просила не принимать близко к сердцу поднявшуюся шумиху. Когда она закончила успокаивать и утешать, принялась нелестными выражениями отзываться о тех, «у кого только совести хватило» из нашей семейной драмы сделал телевизионное шоу. Беспокоясь о ее бедном сердце, попыталась отвлечь рассказом о том, как все воспринял Костя. И как следствие, мне долго пришлось выслушивать лекцию о «хорошем мальчишке», но теперь это вызывало у меня только улыбку.

Стоило только положить трубку, как позвонил Макс. Этот давал обещания найти моих обидчиков и расправиться с ни-

ми по-мужски. От правосудия Максима Кирова никому не уйти!

Но больше всего меня беспокоила реакция Костиных родителей. Моя репутация в глазах Ольги Алексеевна была окончательно испорчена. Именно ее звонка я ждала со страхом, и когда это неизбежно произошло, и женщина лишь коснулась неловкой темы, ограничившись словами «назойливые папарацци из всего сделают сенсацию», с облегчением выдохнула. С тех пор я не сомневалась – она меня приняла.

Не обошли вниманием друзья и одноклассники. Они заявили, что не повелись на досужие сплетни и, вообще, «только дурак поверит желтой прессе». Я не собиралась их ни в чем переубеждать, полагая, что если они мои настоящие друзья, то правда ничего между нами не изменит. Даже Аня с Олегом были в курсе только части событий моего прошлого. Они знали лишь, что я трагически потеряла отца, а о большем и не спрашивали.

– Ну не свиноты?! – причитала в трубку Аня. – Я бы на твоём месте нашла гада, который это сделал, взяла бы его за яй...

– Я поняла! – не желала слушать продолжение этой, несомненно, шокирующей истории.

– Ничего ты не поняла, добрая душа! – подруга возмущалась, будто это на неприкосновенность ее личной жизни покушались. – Как всегда все спустишь гадам с рук! – ее мстительная натура требовала возмездия. – Позови-ка Ко-

стю, уверена, он поддержит меня, – окончательно отстранила меня от дела, взяв все под свой контроль.

– И не подумаю, – пресекла на корню попытку развязать войну с журналистами. – Все хорошо, – успокоила подругу, понимая, что она лишь беспокоится обо мне, – правда, – самой было странно это говорить, но я чувствовала облегчение. – Так даже лучше, я, наконец, смогла все рассказать Косте.

Эти слова возымели на Аню действие, и ее праведный гнев чуть поутих.

– И твой Костик оказался настоящим прекрасным принцем, – тихо вздохнула, – не разочаровал и в этот раз. Черт, он что у тебя идеальный? – почувствовала крупинку зависти, но скорее белой.

– Нет, – вспомнила наш сегодняшний разговор с парнем и улыбнулась, – конечно, нет. Просто он любит меня, – от этих слов стало на душе тепло.

– Любовь-морковь, – устало, будто ей надоело выслушать про так называемые розовые сопли, пропела Аня. – Свадьба когда? – требовательно по-деловому спросила.

– Уступлю первенство вам с Олегом, – увильнула от скользкой темы.

– Я и Олег? Да никогда! – и тут же принялась «хвалиться» его новыми провалами в плане их отношений. – Ты не поверишь, что он выкинул вчера! Так вот, я...

В трубке раздался звук, сигнализирующий о второй ли-

нии – кто-то настойчиво пытался дозвониться до меня. Была только рада, что нашла повод не выслушать в адрес Олега обвинения. Заварили кашу под названием «отношения», пусть сами и разбираются. Я их предупреждала, что не буду рефери в их любовных игрищах.

– Ладно, Ань, не могу больше говорить, – взглянула на экран, – Лёша звонит, наверное, что-то важное. Пока! – прокричала, отняв трубку от уха, чтобы переключиться на другой вызов.

– С каких это пор он названивает тебе по вечерам? – последнее, что услышала от Ани прежде чем скинуть звонок.

– Лёш, ты мой спаситель! – обрушилась с благодарностями на парня. – Тебе нужен Костя? – не прерывала поток мыслей. – Он все еще на фотосессии, а телефон сел, – зачем-то выкладывала ненужные подробности. – Я передам ему все, что нужно. Говори, – приготовилась внимательно слушать и запоминать.

– Вообще-то я хотел поговорить с тобой, – первое, что сказал, когда я, наконец, замолчала и великодушно дала ему слово.

– Со мной? – растерялась. Раньше он не звонил мне без веских причин, и обычно они касались Костиных дел. – Уже все видел? – догадалась, предчувствуя еще один ободряющий и жизнеутверждающий разговор. – Сразу предупреждаю, в суд мы ни на кого не подаем! – рассудила, что он последует той же логике, что и Костя.

– Жаль, – сдержанно, по-другому, думается, он и не умел, рассмеялся, – очень хочется кого-нибудь засудить.

– Все вы, адвокаты, одинаковые, – шутя, пожурила парня, – все бы вам судиться. – Неожиданно для себя совершенно серьезно, произнесла: – Опасный вы человек, Алексей.

– Почему? – вернулся холодный тон.

– Люди, что в жизни руководствуются логикой и разумом, в момент, когда в игру включается сердце и чувства, не могут справиться с ситуацией. Теряются и совершают глупые ошибки.

– И подлые поступки? – усугубил ситуацию, доводя до крайности. Иногда казалось, что для него существует только черное и белое, и никаких оттенков. Закон либо нарушен, либо нет.

– Возможно, – по себе могла судить, что люди способны на многое, даже на то, чего сами от себя не ожидают.

– Боишься меня? – последовал резонный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.